

Валдай | Международный
Дискуссионный клуб

valdaiclub.com

Москва, декабрь 2014

РОЛЬ РОССИИ В ШОС И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Доклад грантополучателей
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»

Доклад подготовлен в рамках Программы исследовательских грантов Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Авторы:

Екатерина Колдунова, доцент кафедры востоковедения и заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России

Ниведита Дас Кунду, заместитель директора Индийского совета по социальным исследованиям

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения Международного дискуссионного клуба «Валдай».

<u>Предисловие</u>	7	<u>Сценарии: Россия, ШОС и Центральная Азия после 2014</u>	67
<u>ШОС: основные достижения, вызовы и роль России</u>	12	<u>Заключение</u>	70
ШОС: создание, эволюция, достижения	13	<u>Источники</u>	76
Официальный и исследовательский дискурс о роли ШОС в Центральной Азии и за ее пределами	23	Источники на русском языке	76
ШОС сегодня: вызовы и дилеммы	35	Источники на английском языке	78
Российские интересы и перспективы участия в ШОС	45		
<u>Позиции России в Центральной Азии: двусторонние отношения и многосторонние механизмы</u>	49		
Особенности политического и социально-экономического развития государств Центральной Азии в прошедшие два десятилетия: двусторонние отношения и многосторонние проекты	50		
Какими возможностями располагает Россия в Центральной Азии	64		

Андрей Быстрицкий,
Председатель Совета Фонда развития и поддержки
Международного дискуссионного клуба «Валдай»,
декан Факультета коммуникаций, медиа и дизайна
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Во всяком исследовании, а доклад «Роль России в ШОС и Центральной Азии: вызовы и возможности» таковым и является, важны не только научная добросовестность и эвристический дар, но и своего рода везение, заключающееся в способности попасть в нужное время в нужное место с достойным ученым товаром.

Работа над докладом началась до последних событий, которые за истекший год изменили всю мировую ситуацию в целом, и положение дел в Центральной Азии, в частности. Однако в том и ценность доклада, в том-то и его научная обоснованность, что выводы, сделанные авторами, оказались вполне внятно транспонируемыми на сегодняшнюю ситуацию.

На последнем заседании Валдайского клуба в конце октября в Сочи звучали два основных рефрена – о новом, возникающем миропорядке, в котором то ли есть правила, то ли их нет, и о взаимозависимости основных мировых субъектов, которая во все большей степени будет определять международную ситуацию. Но вот вопрос, а каковы поля, какова координатная система взаимозависимости?

Представленный доклад на примере Шанхайской организации сотрудничества и стран Центральной Азии показывает сложную, пересеченную систему упомянутой взаимозависимости. Так, речь идет о том, как соотносятся между собой региональные проблемы Центральной Азии и макрорегиональные отношения, особенно с учетом, безусловно, растущей роли Китая.

По мнению авторов, ШОС как инструмент согласования интересов и выработки правил игры среди стран участников Организации не может быть отделен от широко понимаемой не только макрорегиональной, но и мировой повестки дня.

При этом круг вопросов, по которым может и должно идти взаимодействие в рамках Организации, необычайно широк, что вполне отражает уже упомянутую выше взаимозависимость: от проблем трансграничной и разнообразной преступности до налаживания экономического и гуманитарного взаимодействия.

Впрочем, нет смысла пересказывать доклад. Он перед вами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – международная межправительственная организация, основанная 15 июня 2001 года лидерами России, Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. ШОС существенно отличается от других международных организаций, возникших в Евразии после распада Советского Союза. Различие состоит в подходе к региональному сотрудничеству: ШОС строилась по принципу «снизу вверх» по мере эволюции двусторонних связей между государствами-основателями. Предтечей организации была серия двусторонних переговоров о демаркации границ между Россией, Китаем, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном после распада Советского Союза. В 1990-х годах будущие члены ШОС постепенно приобретали опыт в вопросах обеспечения государственного суверенитета и территориальной целостности своих стран и закладывали основы общей многосторонней структуры сотрудничества.

Российские интересы в Центральной Азии (в рамках данного доклада понятие «Центральная Азия» обозначает регион, состоящий из пяти государств (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан). Учитывается также, что в географическом плане Центральная Азия

тесно связана с Китаем, Монголией, Афганистаном и Пакистаном. Понятие «Евразия» используется в тексте для определения более широкого макрорегионального пространства) обусловлены общим историческим прошлым, географической близостью, экономическими связями, а также проблемами в области безопасности, с которыми сталкиваются сегодня Россия, Китай и государства региона. Россия является одним из ключевых участников ШОС, что, согласно официальной российской позиции, способствует созданию в мире системы коллективного лидерства (МИД России, 2013). Увеличение числа государств-наблюдателей и партнеров по диалогу свидетельствует о важной роли ШОС как механизма регионального и макрорегионального сотрудничества. Деятельность ШОС и ее потенциал в решении насущных проблем безопасности приобретают все большее значение не только для Центральной Азии, но и Евразии в целом.

Резкий рост нетрадиционных угроз и трансграничных видов преступности в Евразии, в частности, терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и незаконной миграции, делает роль ШОС, предпринимающей активные усилия для обеспечения мира и стабильности в регионе, еще более значимой. ШОС является важным инстру-

Саммит ШОС в Бишкеке, 2013 год

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ОБУСЛОВЛЕННЫ
ОБЩИМ ИСТОРИЧЕСКИМ ПРОШЛЫМ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТЬЮ,
ЭКОНОМИЧЕСКИМИ СВЯЗЯМИ, А ТАКЖЕ ПРОБЛЕМАМИ В ОБЛАСТИ
БЕЗОПАСНОСТИ, С КОТОРЫМИ СТАЛКИВАЮТСЯ СЕГОДНЯ РОССИЯ,
КИТАЙ И ГОСУДАРСТВА РЕГИОНА

ментом, при помощи которого Россия и ее партнеры ведут борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также работают над созданием новой системы региональных отношений.

Широкий круг взаимных интересов и контактов связывают Россию с четырьмя центральноазиатскими государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества. Эти отношения были институционально оформлены в рамках нескольких региональных организаций, включая Содружество независимых государств (СНГ) (1991 год), Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) (2002 год), а также Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) (2001 год). Предшественник ШОС – Шанхайский процесс – был инициирован в 1990-е годы в целях осуществления мер доверия.

ШОС была учреждена в 2001 году после присоединения к «шанхайской пятерке» Узбекистана. В рамках ШОС государства-члены продолжили расширять сотрудничество в области безопасности, налаживать взаимодействие в социально-экономической сфере и в области энергетики. В последнее десятилетие значение ШОС как регионального игрока существенно возросло. Участие в организации позволяет России вносить вклад в обеспечение мира и стабильности и оставаться влиятельным региональным игроком. Недавняя российская инициатива по созданию в ШОС «Энергетического клуба» в целях координации стратегий и укрепления безопасности в области энергетики получила положительный отклик среди государств-членов.

Предполагается, что ШОС, возможно, сможет лучше, чем другие механизмы, ответить

на новые вызовы в области безопасности, политического и экономического развития. С момента создания ШОС государства-члены стремились добиться эффективного функционирования этой организации. Современные исследования регионализма показывают, что региональные институты сотрудничества являются адекватным и действенным инструментом защиты от транснациональных вызовов и угроз (Hettne и Söderbaum, 2006; Acharya и Johnston, 2007; Aris, 2011; Fioramonti, 2012). Для противодействия таким угрозам необходимы новые формы международной координации, включающие как ситуативные (ad hoc), так и превентивные меры, а также ориентированное на практические результаты долгосрочное взаимодействие всех заинтересованных сторон (Колдунова, 2010).

Однако после десяти лет вполне успешной деятельности перед ШОС встает ряд

Дилемма выбора между макрорегиональным и региональным вариантами повестки дня ШОС. Первоначально в задачи ШОС входило решение ряда конкретных вопросов сугубо регионального характера. Сегодня деятельность организации, по всей видимости, может иметь макрорегиональные и в отдельных случаях даже глобальные последствия. Повестка дня организации расширилась: теперь в сферу компетенции ШОС входят не только меры доверия, но и вопросы, касающиеся безопасности, экономики и социокультурной сферы. Кроме того, возросло число государств-наблюдателей и партнеров по диалогу. В качестве государств-наблюдателей сегодня выступают Индия, Пакистан, Монголия, Иран и Афганистан. Партнерами по диалогу являются Беларусь, Турция и Шри-Ланка.

Подобное разнообразие состава участников, вовлеченных в деятельность ШОС, и различия

В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЗНАЧЕНИЕ ШОС КАК РЕГИОНАЛЬНОГО ИГРОКА СУЩЕСТВЕННО ВОЗРОСЛО. СЕГОДНЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ МОЖЕТ ИМЕТЬ МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫЕ И ДАЖЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

новых вызовов и дилемм дальнейшего развития. С аналогичными вызовами – как в рамках организации, так и в регионе – сталкивается и Россия. Представляется, что наиболее серьезные последствия для будущего ШОС и регионального статуса России могут иметь следующие проблемы:

- углубляющееся противоречие между макрорегиональным и региональным вариантами дальнейшего развития ШОС как международной организации (иными словами – противоречие между выбором широкой и узкой повестки дня);
- усиление Китая и возникающие в связи с этим дилеммы в отношениях между Россией, Китаем и центральноазиатскими государствами в рамках ШОС;
- неопределенность перспектив развития ситуации в Афганистане после 2014 года;
- дифференциация центральноазиатских государств по масштабам сотрудничества с Россией и уровню государственного потенциала.

во взглядах на будущее ШОС ставят перед экспертами ряд исследовательских задач.

Во-первых, важно оценить, как члены и партнеры ШОС представляют себе перспективы организации. Какой организацией она должна стать в будущем? Какие возможности сулит каждый из вариантов развития?

Во-вторых, необходимо рассмотреть вопрос о том, каким образом изначально региональный статус организации согласуется с растущим макрорегиональным и даже глобальным характером ее деятельности, обусловленным участием таких крупных стран, как Индия, Пакистан, Иран и Турция. Все эти государства являются ключевыми макрорегиональными державами в Евразии, а Китай и Россия – игроками глобального уровня. С учетом роли, которую играет Россия в принятии решений о расширении ШОС, вопрос о вхождении Индии в состав ШОС может получить положительное развитие. Россия рассматривает Индию с ее

огромной территорией, многочисленным населением, растущей экономикой, военным потенциалом и политическим влиянием как важный фактор обеспечения баланса сил в рамках ШОС. Россия открыто заявила о поддержке заявки Индии на полноправное членство в организации (Kremlin.ru, 2012). Индия, в свою очередь, осознает выгоды полноправного членства и сотрудничества с другими членами ШОС в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Индия готова поддержать усилия ШОС по стабилизации ситуации в Афганистане после вывода Международных сил содействия безопасности в 2014 году.

Отношения между Россией, Китаем и центральноазиатскими государствами в рамках ШОС. За прошедшее десятилетие соотношение сил в Центральной Азии коренным образом изменилось, и на первый план вышли новые задачи, существенно отличающиеся от тех, которые решали Китай, Россия и государства Центральной Азии в момент создания ШОС. Каковы будут результаты экономического подъема Китая и более активной международной позиции России:

укрепление ШОС или углубление противоречий между государствами-членами?

Ситуация в Афганистане после 2014 года.

Положение в Афганистане остается одной из самых острых проблем для всех государств-членов ШОС. 2014 год – переломный в истории страны. Вывод большей части Международных сил содействия безопасности, где преобладают подразделения стран-членов НАТО, и реформирование контингента, остающегося на территории страны, может привести к резкому росту террористической угрозы не только в Афганистане, но и в соседних странах. Таким образом, членам ШОС и государствам-наблюдателям необходимо выявить проблемы, с которыми может столкнуться ШОС после 2014 года, и оценить масштабы помощи, которую сможет оказать организация для стабилизации ситуации или, по меньшей мере, для минимизации распространения угроз терроризма и наркоторговли на весь регион.

Так или иначе, ШОС придется реагировать на вызовы, связанные с ситуацией в Афганистане. Большинство членов ШОС и государств-наблюдателей имеют с этой страной

Американские военнослужащие у транспортного самолета перед отправкой в Афганистан на авиабазе “Манас”

Участницы международного фестиваля “Студенческая весна стран ШОС” в Чите

общую границу. Отношения с Афганистаном важны и для России, и для таких центральноазиатских членов ШОС как Таджикистан и Узбекистан, которых наряду с географической близостью объединяют с народом Афганистана тесные исторические и культурные связи. Именно поэтому на протяжении последних двадцати лет афганский кризис оказывал и продолжает оказывать существенное воздействие также и на эти страны. С учетом перечисленных факторов в целях поддержания мира и стабильности Россия предложила участникам ШОС привлечь Афганистан к работе организации. В результате этой инициативы, деятельность Шанхайской организации сотрудничества в регионе приобрела новое геополитическое измерение.

Стабилизация положения в Афганистане особенно важна для России. В результате употребления наркотиков, поступающих из Афганистана через Центральную Азию, Россия и другие страны несут огромные людские потери. Именно поэтому хотелось бы надеяться, что ШОС готова принять на себя ответственность за разрешение вопросов безопасности в регионе. Рос-

сия поддержала стремление Афганистана к международному сотрудничеству и призвала членов ШОС активно налаживать взаимодействие и инвестировать средства в экономику страны. Россия убеждена в том, что безопасность членов ШОС и государств-наблюдателей в существенной мере зависит от стабилизации экономической и политической ситуации в Афганистане. Кроме того, с определенной долей осторожности можно полагать, что в ближайшие годы обеспечению мира и безопасности в Афганистане и в регионе могла бы способствовать более четкая координация действий России, США, ШОС и НАТО.

Дифференциация центральноазиатских государств по масштабам сотрудничества с Россией и уровню государственного потенциала. Необходимой предпосылкой успешной деятельности ШОС является эффективность совместных действий всех ее членов, включая центральноазиатские государства. Между тем Россия, как считают многие эксперты, вряд ли может придерживаться единых подходов в отношении со странами Центральной Азии. Дивер-

сифицируют свои внешние связи и сами центральноазиатские государства. Поэтому необходимо определить, что именно может сделать Россия для сохранения и расширения своих позиций в Центральной Азии на двустороннем и многостороннем уровнях.

Чтобы понять характер проблем, с которыми может столкнуться Россия, оценить ее роль и возможности в рамках ШОС и регионе в целом, авторы настоящего доклада анализируют институциональный потенциал ШОС, который может использовать Россия для осуществления своей политики в Центральной Азии. Кроме того, рассматриваются двусторонние отношения России с другими государствами-членами и их возможное прямое либо косвенное воздействие на способность организации осуществлять цели, поставленные в Астанинской декларации 2011 года (Kremlin.ru, 2011) и ранее принятых документах.

В концептуальном плане авторы ставят перед собой следующие задачи:

- сопоставить нормативные положения и практические результаты деятельности ШОС в регионе;
- оценить достижения ШОС на фоне общего развития региональных связей в Центральной Азии;
- проанализировать мнения российских и зарубежных специалистов в отношении целей, которые ставит перед собой Россия в Центральной Азии и в ШОС, а также возможности их осуществления;
- критически оценить сходства и различия в оценке Россией и центральноазиатскими государствами-членами роли ШОС и внешних игроков с учетом вызовов и дилемм, стоящих перед ШОС в настоящее время;
- определить важнейшие особенности политического и социально-экономического развития Центральной Азии в постсовет-

скую эпоху в контексте российских внешнеполитических задач в регионе;

- оценить сильные и слабые стороны взаимоотношений России с центральноазиатскими государствами, Китаем и внешними игроками и их возможное позитивное либо негативное влияние на ШОС, а также усилия по стабилизации ситуации в регионе после вывода Международных сил содействия безопасности в 2014 году.

Структурно доклад состоит из трех частей. В первой части рассматривается эволюция ШОС с момента образования, официальный и научный дискурс, касающийся роли ШОС в странах-членах и в международном сообществе, а также вызовы и дилеммы, с которыми сталкивается ШОС на современном этапе. В заключении этой части анализируются интересы России и возможности, которые предоставляет ШОС для их реализации.

Во второй части исследуются общие вопросы, связанные с развитием стран Центральной Азии в постсоветский период; при этом основное внимание уделяется положению в четырех центральноазиатских государствах-членах ШОС. Кроме того, рассматриваются двусторонние и многосторонние форматы взаимодействия в регионе с целью определить, какую нишу может занимать Россия в развитии регионального сотрудничества в Центральной Азии.

По мере необходимости в докладе освещаются некоторые стратегические аспекты развития ситуации на макрорегиональном уровне и роль, которую играют в Центральной Азии такие крупные державы, как Индия и США. Позиции и интересы Пакистана, Ирана, Турции и ЕС рассматриваются в той мере, в какой это соответствует целям анализа.

Третья часть содержит ряд сценариев, в которых рассматривается будущая роль России в ШОС и в регионе.

ШОС: ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ И РОЛЬ РОССИИ

1.

ШОС: СОЗДАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, ДОСТИЖЕНИЯ

Истоки Шанхайской организации сотрудничества связаны с процессом переговоров между Россией, Китаем, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном о демаркации границ в Центральной Азии после распада Советского Союза в 1991 году. В то время связи между Россией и Китаем только начинали восстанавливаться после резкого ухудшения отношений в конце 1960-х и их относительной нормализации в период 1970–1980-х годов. У России с Китаем оставались неурегулированными два пограничных спора. Вступать в переговоры с Китаем об определении границы пришлось также и новым независимым государствам – Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану.

Распад Советского Союза существенным образом изменил не только глобальную геополитическую ситуацию, но и расклад сил в центре Евразии, где возникли пять новых государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан), получивших в наследство слабую государственность и неизвестное буду-

щее. С одной стороны, эти пять государств стремились к расширению политического и экономического сотрудничества с другими евразийскими государствами, что было невозможно в прошлом. В конце 1980-х годов благодаря нормализации советско-китайских отношений Центральная Азия и Китай стали налаживать приграничную торговлю, экономические и культурные связи. Однако эти контакты, по понятным причинам, нельзя было считать полноценными межгосударственными отношениями. С другой стороны, в процессе государственного строительства центральноазиатские государства столкнулись с рядом серьезных проблем, включая необходимость обеспечивать безопасность собственных границ и противостоять трансграничным угрозам. Не прибавляло стабильности региону и то, что внимание России было сосредоточено на последствиях распада СССР. Очевидно, что первоочередной задачей центральноазиатских государств, России и соседнего Китая в то время было достижение догово-

Шанхайская организация сотрудничества

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – постоянно действующая межправительственная международная организация

■ Государства – члены ШОС   ■ Государства – наблюдатели   ■ Государства – партнеры по диалогу

Базовые документы

- 2001** — Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом
- 2002** — Хартия ШОС
- 2002** — Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры
- 2003** — Декларация глав государств членов ШОС
- 2007** — Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве

Важные даты:

- 1996** Возникновение «Шанхайской пятерки» (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия и Таджикистан)
- 2001** Присоединение Узбекистана
- 2001** 15 июня – Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества
- 2002** Региональная антитеррористическая структура получила статус постоянно действующего органа ШОС
- 2004** Монголия получила статус наблюдателя ШОС
- 2005** Иран, Пакистан и Индия получили статус наблюдателей ШОС
- 2009** Предоставление Белоруссии и Шри-Ланке статуса партнеров по диалогу
- 2012** Предоставление Афганистану статуса наблюдателя и Турции статуса партнера по диалогу

Цели и задачи:

- Укрепление взаимного доверия и добрососедства между государствами – членами
- Содействие эффективному сотрудничеству в политической, торгово-экономической и культурной областях, в сфере образования, энергетики, транспорта, туризма, защиты окружающей среды
- Совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе
- Продвижение к созданию демократического, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка

Структура ШОС:

- Совет глав государств-членов ШОС
- Совет глав правительств государств-членов ШОС
- Совет министров иностранных дел государств-членов ШОС
- Совещания руководителей министерств и ведомств
- Совет национальных координаторов государств-членов ШОС
- Региональная антитеррористическая структура
- Секретариат
- Межбанковское объединение
- Деловой совет

ренностей по спорным и нерешенным пограничным вопросам.

Россия и Китай достигли согласия по восточному отрезку границы в 1991 году, однако вопрос о юрисдикции над островами Тарабаров и Большой Уссурийский в то время оставался открытым (В 2004 году согласно дополнительному соглашению о российско-китайской границе остров Тарабаров отошел Китаю, а остров Большой Уссурийский был разделен на российскую и китайскую части. Этим соглашением были окончательно урегулированы пограничные споры между двумя странами). В начале 1992 года Китай установил дипломатические отношения со всеми центральноазиатскими государствами. В 1994 году было заключено соглашение по западному отрезку российско-китайской границы. В 1996 и 1999 годах Китай и Кыргызстан достигли договоренности

по пограничным вопросам. В 1994 и 1998 годах были подписаны двусторонние соглашения, а в 2002 году завершена демаркация границы между Китаем и Казахстаном. В 1999 и 2002 годах соглашения о границах заключили Китай и Таджикистан.

В конце 1990-х годов заинтересованные стороны наряду с пограничными вопросами начали обсуждать меры доверия в военной сфере и сокращение вооружений в приграничных областях, положив начало так называемому Шанхайскому процессу. Этот процесс является уникальным примером превентивной дипломатии, использование которой, в отличие от подхода, практикуемого такими организациями, как Региональный форум АСЕАН по безопасности, фактически предшествовало институциональному строительству в регионе (Колдунова, 2012).

ШАНХАЙСКИЙ ПРОЦЕСС ЯВЛЯЕТСЯ УНИКАЛЬНЫМ ПРИМЕРОМ ПРЕВЕНТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Китайские вертолеты Z9В и российские БМП-2 на совместных российско-китайских антитеррористических учениях “Мирная миссия – 2013”

В 2001 году в результате присоединения к Шанхайскому процессу Узбекистана, не имеющего общей границы с Китаем, была учреждена Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). За прошедший период организация смогла создать механизм региональной безопасности и гуманитарного сотрудничества, ставящий своей главной целью борьбу против терроризма и экстремизма.

Согласно основополагающим нормативным документам, ШОС нацелена на развитие диалога между государствами-членами, рассматривает в качестве своей первоочередной задачи обеспечение региональной безопасности и не является военным союзом (ШОС, 2001). В 2002 году была принята Хартия ШОС, наметившая ключевые направления развития сотрудничества, включая обеспечение региональной безопасности

между государствами-членами наряду с консультациями на встречах высокого уровня. Важным механизмом поддержания правопорядка и координации действий в области безопасности являются встречи секретарей советов безопасности стран ШОС, в которых принимают участие секретари национальных советов безопасности и старшие должностные лица шести государств-членов ШОС (Китая, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана), генеральный секретарь ШОС и другие старшие должностные лица.

Хотя ШОС нельзя считать военным блоком, ее деятельность включает элементы военного сотрудничества, одним из которых являются совместные военные учения «Мирная миссия». Первенство в ШОС по военным расходам и военному потенциалу принадлежит России и Китаю. По данным

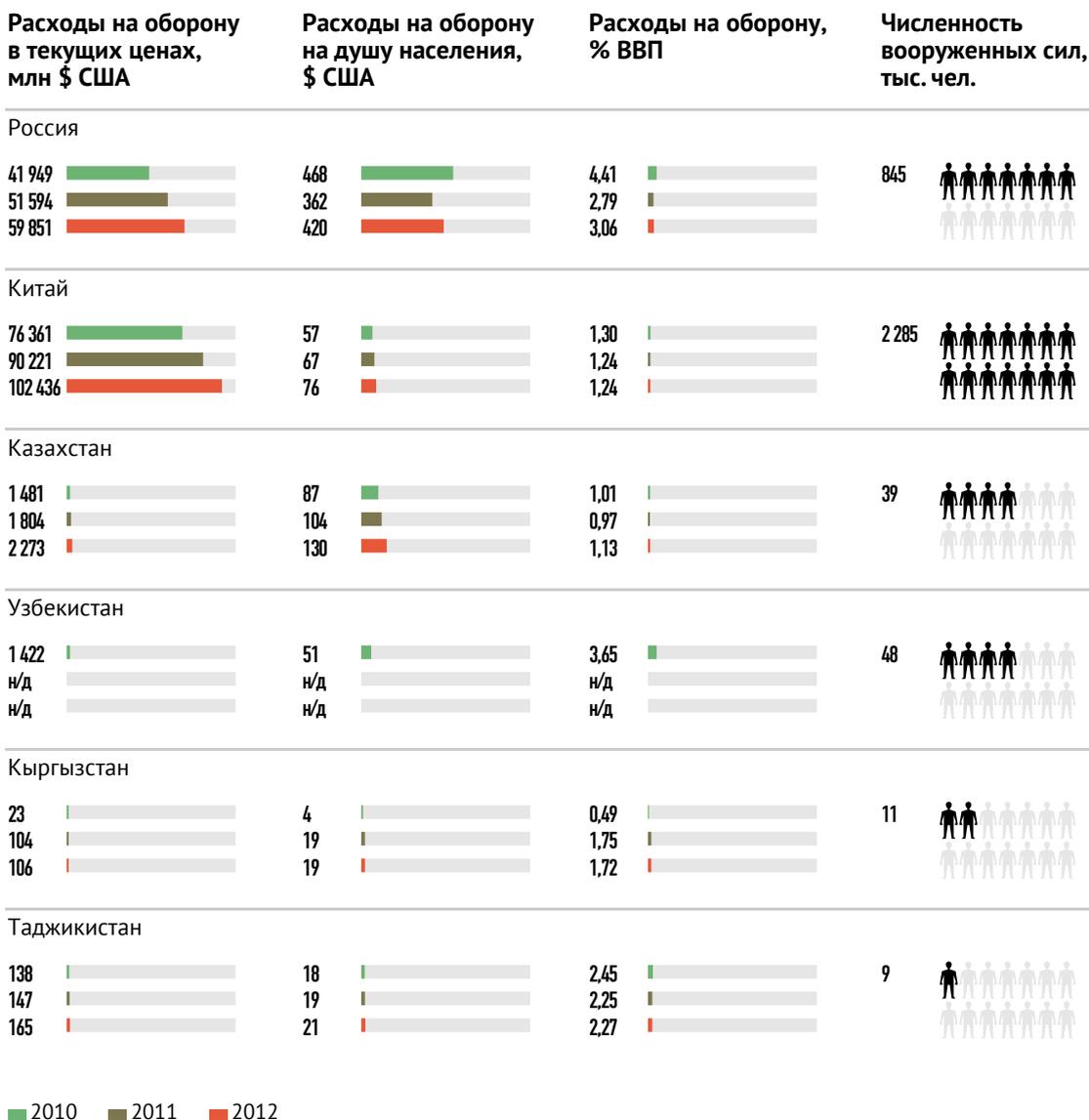
С МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ В 2001 ГОДУ ШОС СМОГЛА СОЗДАТЬ МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, СТАВЯЩИЙ СВОЕЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

и осуществление мер доверия; разработку общего подхода к вопросам внешней политики; совместные действия по борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркоторговлей и другими видами транснациональной преступности; региональное экономическое сотрудничество; развитие транзитного и энергетического потенциала государств-членов; осуществление совместных проектов в области защиты окружающей среды; межгосударственную координацию действий в случае возникновения чрезвычайных ситуаций; обмен информацией, а также сотрудничество в области культуры и науки (ШОС, 2002). В рамках ШОС учреждены такие органы, как Совет глав государств-членов, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Совет национальных координаторов, а также Секретариат, расположенный в Пекине.

В рамках ШОС существует несколько механизмов для проведения дополнительных консультаций по вопросам безопасности

Международного института стратегических исследований, Китай тратит на оборону в 45 раз больше Казахстана, в 966 раз больше Кыргызстана и в 620 раз больше Таджикистана. Российские расходы на оборону превосходят аналогичные показатели Казахстана в 26 раз, Кыргызстана в 564 раза и Таджикистана в 362 раза (данные по Узбекистану отсутствуют). Именно поэтому Россия и Китай изначально играли лидирующую роль в организации антитеррористических учений ШОС. Однако в последние четыре года военные учения ШОС проводились также и на территории центральноазиатских стран, в частности «Мирная миссия» 2010 года (Казахстан) и «Мирная миссия» 2012 года (Таджикистан). Узбекистан в 2012 году принимал у себя учения «Восток-Антитеррор», а Кыргызстан в 2013 году организовал сборы для личного состава министерств и ведомств по чрезвычайным ситуациям. Несмотря на кажущуюся ограниченность, такое военное сотрудничество

Расходы на оборону и личный состав вооруженных сил государств – членов ШОС

Источник: The Military Balance 2013. L.: IISS, 2013, pp.549-551

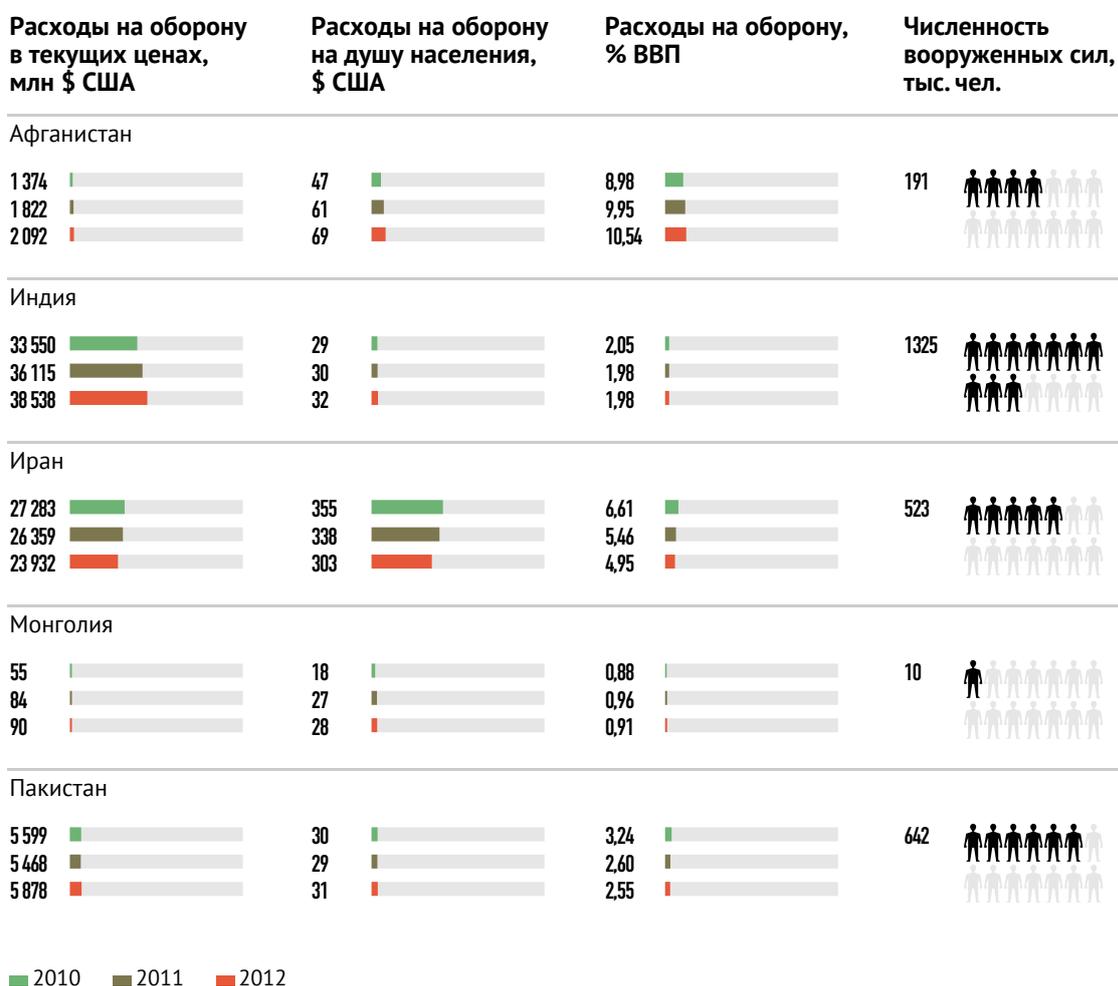
дает возможность центральноазиатским государствам совершенствовать систему боевой подготовки своих вооруженных сил.

В 2002 году в целях обеспечения институциональной поддержки контртеррористической деятельности и во исполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, ШОС учредила **Региональную**

антитеррористическую структуру (РАТС).

Планировалось, что штаб-квартира РАТС будет находиться в Бишкеке (Кыргызстан), но в 2003 году она была перенесена в столицу Узбекистана Ташкент. Основной задачей РАТС является координация действий членов ШОС в борьбе с терроризмом, обмен информацией между правоохранительными органами, создание базы данных о терро-

Расходы на оборону и личный состав вооруженных сил государств-наблюдателей ШОС

Источник: The Military Balance 2013. L.: IISS, 2013, pp.549-551

ристических организациях, а также координация операций по выявлению лагерей подготовки террористов и их финансовых доноров. В штат РАТС входят представители всех государств-членов ШОС. В последние годы функции РАТС расширились. В настоящее время она проводит работу по согласованию антитеррористического законодательства в государствах-членах. Ожидается, что в круг ее обязанностей также войдет координация деятельности ШОС по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом.

Хотя сотрудничество в области безопасности остается приоритетом ШОС, она постепенно осваивает и другие сферы деятельности, включая программы экономического и гуманитарного сотрудничества. В распоряжении ШОС имеется достаточно механизмов не только для поддержания, но и расширения экономических связей, включая Деловой совет ШОС, Межбанковский консорциум и Энергетический клуб, учрежденный в 2012 году по инициативе России.

Деловой совет приступил к работе в 2006 году с целью расширения экономической повестки дня ШОС. За прошедший период под руководством совета был инициирован ряд проектов в области транспорта и логистики, телекоммуникаций, сельского хозяйства, здравоохранения и образования. Сегодня в деятельности совета участвуют все государства-члены и государства-наблюдатели (Индия, Пакистан, Иран, Монголия и Афганистан). Деловые сообщества стран – членов ШОС поддерживают курс на организацию работы Совета по проектному принципу, предложенному на встрече глав правительств ШОС в Бишкеке в 2012 году. В целях финансирования проектов государства-члены решили открыть специальный счет и учредить банк развития ШОС. В ближайшие планы Делового совета входит организация в 2015 году совместного делового

проектах, преследуя собственные экономические интересы. Однако существует ряд обстоятельств, которые могут сделать создание этого клуба выгодным для всех заинтересованных сторон и укрепить позиции ШОС в регионе и за его пределами.

На практике Энергетический клуб должен стать дискуссионной платформой для делового сообщества и государственных ведомств. Высказываются мнения, что клуб практически не имеет перспектив, поскольку служит прикрытием для стремления России «взять под контроль энергетические ресурсы Центральной Азии» (Song 2014: 97). Однако исследователи Рустам Кажаров, Наргис Нурова и Иван Сафранчук полагают, что в стратегическом отношении главная цель Энергетического клуба должна состоять в создании «самодостаточной энергетической системы» в региональном и даже ма-

В РАСПОРЯЖЕНИИ ШОС ИМЕЕТСЯ ДОСТАТОЧНО МЕХАНИЗМОВ РАСШИРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ, ВКЛЮЧАЯ ДЕЛОВОЙ СОВЕТ ШОС, МЕЖБАНКОВСКИЙ КОНСОРЦИУМ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КЛУБ

форума БРИКС и ШОС.

Новым измерением деятельности ШОС в области безопасности стала проблема **энергетической безопасности**. В 2006 году в рамках разработки общего подхода к укреплению энергетической безопасности Россия предложила учредить энергетический клуб ШОС. В последние годы вопросы сотрудничества в области энергетики были внесены в официальную повестку дня ШОС в качестве одного из основных пунктов. Эта задача имела особое значение для России в условиях, когда в странах Центральной Азии без российского участия началась реализация различных двусторонних проектов. В декабре 2013 года государства – члены ШОС, государства-наблюдатели и партнеры по диалогу подписали Меморандум об учреждении Энергетического клуба ШОС.

Российское предложение о создании энергетического клуба было обусловлено осуществлением в регионе разнообразных проектов в области энергетики и инфраструктуры. Очевидно, что все внешние акторы участвуют в двусторонних региональных

кроссрегиональном масштабе (Кажаров и др., 2012). Такая система будет учитывать интересы как производителей, так и потребителей энергоресурсов и служить платформой для координации ценообразования и управления совместными региональными проектами в области энергетики.

Интерес Китая к работе клуба объясняется растущим энергопотреблением внутри страны, в связи с чем для руководства КНР обеспечение надежных поставок энергоресурсов и умеренных цен станет ключевым вопросом на обозримую перспективу. Как отмечают эксперты, нефтедобыча зарубежных предприятий, в акционерном капитале которых участвует Китай, не снижает зависимости страны от мировых цен на нефть (Mayer и Wübbeke, 2013: 17), и поэтому ему не следует пренебрегать дополнительным механизмом координации сотрудничества в области энергетики с такими серьезными торговыми партнерами, как страны Центральной Азии, Россия и Иран.

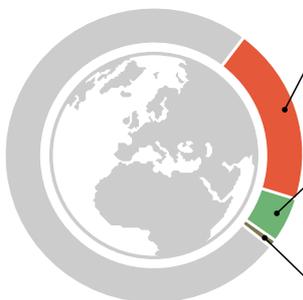
Для центральноазиатских государств Энергетический клуб ШОС может стать ин-

Территория государств ШОС, млн км²

148,1

Общая площадь суши Земли

29,16 (19,6%)

Общая площадь государств-членов ШОС

7,58 (5,1%)

Общая площадь государств-наблюдателей ШОС

1,03 (0,7%)

Общая площадь государств-партнеров по диалогу

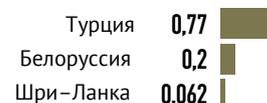
Члены ШОС

Наблюдатели ШОС

Партнеры по диалогу ШОС

Источник: World Bank 2014

струментом координации энергетической политики, а также вопросов энерго- и водообмена между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном (Кажаров и др., 2012: 187). Россия, инициировав учреждение клуба, сможет осуществлять различные региональные проекты под эгидой ШОС и увязывать их с собственными потребностями, расширив, таким образом, свое присутствие в регионе и свое участие в энергетических проектах центральноазиатских стран.

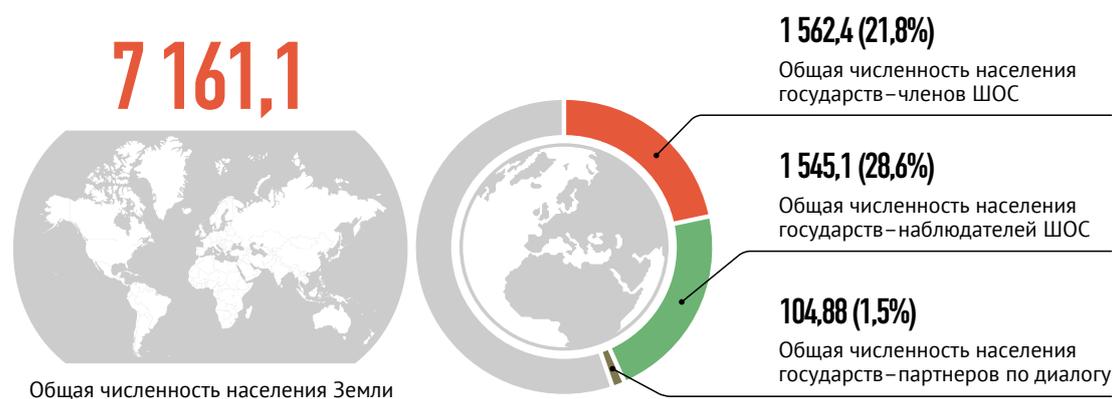
Транспорт и коммуникации стали еще одним направлением сотрудничества в рамках ШОС. В 2011 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выступил на юбилейном саммите ШОС с идеей создания общего транспортного и энергетического пространства ШОС, которая получила поддержку в регионе. На саммите 2012 года Китай предложил еще один инфраструктурный проект, направленный на создание региональной

сети автомобильных дорог и улучшение условий международных автотранспортных перевозок. Успешная реализация проекта обеспечит беспрепятственную транспортировку грузов от порта Ляньюньган на тихоокеанском побережье Китая до российского Санкт-Петербурга.

В сфере **образования** государства-члены и государства-наблюдатели приступили к осуществлению проекта Университета ШОС в области энергетики, экологии, информационных технологий и зарубежного регионоведения.

Похоже, что ШОС, которая первоначально не планировала расширение состава, начала корректировать свою подход к данному вопросу. Государства-наблюдатели Индия, Пакистан и Иран прямо заявили о своем желании стать полноправными членами организации. При этом Индия выразила готовность участвовать в мероприятиях по обеспечению региональной безопасно-

Население государств ШОС, млн человек

Члены ШОС

Наблюдатели ШОС

Партнеры по диалогу ШОС

Источник: World Bank 2014

сти и налаживать тесное сотрудничество с ШОС в Афганистане.

На международной арене ШОС сотрудничает с другими международными организациями. В настоящее время она поддерживает партнерские связи с ООН, ОДКБ, СНГ и ЭСКАТО. В 2005 году состоялось подписание меморандума о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН, в котором определены приоритетные области сотрудничества, включая борьбу с терроризмом, наркоторговлей, контрабандой оружия, отмыванием денег и торговлей людьми (АСЕАН, 2005). ШОС и АСЕАН придерживаются сходных нормативных принципов, включая принятие решений на основе консенсуса и уважение государственного суверенитета. Военное сотрудничество и совместные учения вооруженных сил также осуществляются на добровольной основе.

Таким образом, можно сказать, что ШОС является наиболее успешной региональной

организацией Центральной Азии, которая укрепляет сотрудничество между странами региона в сфере безопасности и постепенно расширяет повестку дня в других областях. Попытки объединить центральноазиатские государства под эгидой каких-либо других региональных организаций, будь то Центральноазиатское сотрудничество (Организация Центральноазиатское сотрудничество (ЦАС) была создана в 2002 году. В состав организации входили Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Россия. В 2005 году было принято решение об объединении ЦАС с Евразийским экономическим сообществом) или Организация Договора о коллективной безопасности (в ОДКБ входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Узбекистан приостановил членство в организации в 2012 году), не привели к созданию жизнеспособного общерегионального механизма, который был бы признан большинством центральноазиат-

ских стран в качестве приемлемой платформы для обсуждения региональных проблем. В сущности, наиболее подходящей площадкой для диалога центральноазиатских стран стала организация, в которой Россия и Китай уравнивают друг друга. Однако успешность ШОС в роли региональной дискуссионной площадки вовсе не означает отсутствие каких-либо проблем или асимметрии интересов среди ее членов.

Создание ШОС пришлось на тот период, когда в мире стали прослеживаться новые тенденции к регионализации. Модель регионализации, основанная на воспроизведении на региональном уровне биполярной конфронтации, уступила место регионализации, движимой транснациональными процессами в экономике и сфере безопасности (Hettne и Söderbaum, 2006). По мере трансформации военных угроз и распространения

но его оформление в качестве единого регионального комплекса в плане безопасности очевидно ввиду характерного для него набора старых и новых угроз. В сущности, ШОС стала той организацией, которая в значительной степени сплачивает Центральную Азию в единый регион и функционирует в более широком смысле как элемент евразийского регионализма.

ШОС превратилась в уникальную региональную организацию, не имеющую аналогов в мире. Она имеет институциональную структуру для противодействия транснациональным угрозам в регионе, но при этом не ущемляет национальный суверенитет стран-членов. ШОС не является и не может быть военным блоком. Она также не преследует целей региональной интеграции. Ее чуть более чем десятилетнее существование свидетельствует о том, что она создава-

ШОС ПРЕВРАТИЛАСЬ В УНИКАЛЬНУЮ РЕГИОНАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, НЕ ИМЕЮЩУЮ АНАЛОГОВ В МИРЕ. ОНА ИМЕЕТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ СТРУКТУРУ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ В РЕГИОНЕ, НО ПРИ ЭТОМ НЕ УЩЕМЛЯЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ СТРАН-ЧЛЕНОВ

нетрадиционных рисков взаимозависимость вопросов регионализма и безопасности приобрела новое измерение. Стали более разнообразными, структурно разветвленными и сами институты регионального сотрудничества. В то время как одни из них, например, Европейский союз (ЕС) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), сумели структурно организовать соответствующие регионы, другие, в частности, Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), оказались менее успешными в этой области.

Пока что преждевременно делать вывод о том, смогут ли центральноазиатские государства сформировать международный регион в институциональном отношении,

лась ситуативно для решения наиболее насущных проблем в сфере безопасности. С тех пор, однако, ШОС постепенно распространяла свою деятельность на смежные с мерами доверия области сотрудничества и выработала более широкий подход к вопросам обеспечения безопасности и регионального управления в этой сфере.

Нормативные цели, изложенные в документах ШОС, подкрепляются соответствующими практическими программами и институциональными структурами. Однако достижения ШОС не означают, что внутри организации отсутствуют проблемы и противоречия или что все международное сообщество единодушно одобряет деятельность ШОС.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ДИСКУРС О РОЛИ ШОС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Несмотря на достижения ШОС, отмеченные ранее, исследователи в России, Китае, Индии, Центральной Азии, Европе и США по-разному оценивают практические результаты регионального сотрудничества под эгидой этой организации. В то время как одни ставят в заслугу ШОС обеспечение стабильности и предсказуемости ситуации в регионе (Bailes et al., 2007), другие считают ее механизмом, способствующим сохранению авторитарных режимов в Центральной

трудничества с центральноазиатскими государствами. Впрочем, исследователи подвергают сомнению системный характер этого опыта, указывая на то, что отношения с государствами Центральной Азии уже не составляют единого направления внешней политики Российской Федерации (Малашенко, 2012). За последнее десятилетие Россия диверсифицировала свои партнерские связи в регионе, сделав упор на сотрудничество с Казахстаном. В то же время Россия нала-

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПРИНЦИПУ «СНИЗУ ВВЕРХ»

ДАЕТ ШОС ВАЖНОЕ КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО ПЕРЕД

ДРУГИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Азии (Ambrosio, 2008), и блоком, направленным против западных стран. В настоящем докладе мы рассмотрим ряд мнений, высказываемых в международном политическом и экспертном сообществе в отношении ШОС. При этом нашей целью является определение критериев для оценки эффективности ШОС и ее фактической способности к решению региональных проблем. Анализ различных подходов к ШОС также поможет уяснить, в каких аспектах Россия, Китай и страны Центральной Азии придерживаются общих подходов к ШОС, а в чем расходятся и, таким образом, сделать вывод о том, способны ли они противостоять вызовам, перечисленным в предисловии.

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАМКАХ ШОС

На протяжении двух последних десятилетий Россия накопила разнообразный опыт со-

живала сотрудничество с центральноазиатскими государствами в рамках Содружества независимых государств (в настоящее время в состав СНГ входят Россия, все центральноазиатские страны, Азербайджан, Беларусь, Молдова и Украина), Организации договора о коллективной безопасности, организации Центральноазиатского сотрудничества и Евразийского экономического сообщества, закладывая основу для создания более-менее жизнеспособного механизма многостороннего сотрудничества в регионе.

На фоне этих организаций выделяется ШОС, которая, согласно официальной российской позиции, должна выполнять три важные функции в интересах российской внешней политики. Согласно последней редакции Концепции внешней политики Российской Федерации деятельность ШОС, во-первых, вносит вклад в формирование системы коллективного лидерства в мире. Во-вторых, ШОС должна стать составной частью сети партнерских организаций регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И, наконец, ШОС наряду

Река Пяндж, пограничная между Таджикистаном и Афганистаном

с ООН, СНГ и ОДКБ должна сыграть решающую роль в стабилизации обстановки в Афганистане после 2014 года (МИД РФ, 2013).

Не вызывает сомнений, что ШОС может играть более важную роль в регионе и мире. Для этого необходимо действовать на опережение с целью стабилизации обстановки в Афганистане после 2014 года и более активно налаживать отношения с государствами-наблюдателями, в первую очередь с Индией, которая, как и Китай, относится к категории активно развивающихся азиатских гигантов. ШОС, таким образом, могла бы стать дополнительным региональным и даже макро-региональным форумом для согласования политики России, Китая и Индии на глобальном уровне, в частности в рамках БРИКС и Большой двадцатки.

Хотя ШОС не имеет механизма полноценного военного сотрудничества (несмотря на военные учения под кодовым названием «Мирная миссия»), ей придется расширять взаимодействие с ОДКБ и, возможно, с НАТО в том случае, если после 2014 года в Афганистане останутся отдельные части Международных сил содействия безопасности.

Кроме того, вывод сил НАТО через территорию государств Центральной Азии и России может стать основой для ограниченного взаимодействия с США.

Формирование организации по принципу «снизу вверх» дает ШОС важное конкурентное преимущество перед другими организациями на постсоветском пространстве. Официальному образованию ШОС предшествовало осуществление мер доверия и заключение соглашений о превентивной дипломатии. Кроме того, в отличие от стран, входящих в другие постсоветские структуры, государства-члены ШОС никогда не подвергали сомнению необходимость участия в этой организации (Малашенко, 2012). Не имея возможности обеспечить полную военную интеграцию своих членов, ШОС, тем не менее, остается одним из важных политических игроков в регионе (Никитина, 2009).

В отличие от официальной позиции России, российский научный дискурс фокусирует внимание на следующих аспектах деятельности ШОС, которые можно использовать в интересах российской внешней политики в Центральной Азии.

Во-первых, стратегическое значение ШОС для России стало очевидно в 2001 году с вво-

дом в Афганистан сил США и НАТО (Болятко, 2012). В ответ на это России и Китаю пришлось начать пересмотр своей политики в Центральной Азии, что побудило некоторых экспертов заговорить о формировании региона Центрально-Восточной Азии (Vogaturov, 2004) в противовес концепции Большой Центральной Азии, продвигаемой определенной частью администрации и экспертного сообщества США (Starr, 2005). В своей наиболее радикальной версии концепция Большой Центральной Азии была нацелена на разрыв экономических связей России с центральноазиатскими государствами и переориентацию последних на Южную Азию (Boucher, 2006). На этом фоне, по мнению российских экспертов, стратегическое значение ШОС состоит в том, чтобы наряду с ОДКБ обеспечить дополнительный периметр безопасности вдоль границ России (Bailes et al., 2007: 44). Кроме того, она является важной региональной структурой для осуществления сотрудничества с центральноазиатскими странами. ОДКБ и ШОС могли бы действовать как взаимодополняющие структуры, несмотря на то, что процедуры принятия решений в этих организациях различны. В ОДКБ Россия имеет решающий голос, тогда как в ШОС она вынуждена делить роль лидера с Китаем и достигать консенсуса с центральноазиатскими государствами-членами.

Во-вторых, многие российские эксперты подчеркивают, что ШОС, как региональная структура, не может быть аналогом европейских или американских региональных организаций (Никитина, 2011). Они рассматривают ШОС как региональную и даже трансрегиональную организацию, содействующую сотрудничеству государств с различными моделями политического развития и посредством такого сотрудничества обеспечивающую стабильность в Центральной Азии и соседних регионах (Bailes et al., 2007). Такой взгляд на региональную безопасность отличается от западного подхода, основанного на идее сближения ценностей и толковании обязательств по обеспечению безопасности в либерально-демократическом духе (Adler and Barnett, 1998).

Наконец, многие российские эксперты ставят в заслугу ШОС ее способность налаживать сотрудничество в области энергетики и инфраструктуры и формировать условия для создания общего экономического про-

Флаг Китайской Народной Республики

странства и инфраструктурного комплекса в Центральной Азии (Уянов, 2012; Лукин, 2012). Со своей стороны, Сергей Лузянин полагает, что для достижения этих целей ШОС должна делать акцент на расширении сотрудничества с государствами-наблюдателями (Лузянин, 2012). В контексте общего соотношения сил в регионе значение этих государств – участников ШОС для России будет возрастать.

Поддерживающие тесные отношения с США Индия и Пакистан также заинтересованы в сотрудничестве с ШОС в Центральной Азии. Важным региональным актором и экономическим партнером России является Иран, у которого складываются непростые отношения с западными странами в связи с его ядерной программой. Афганистан представляет собой еще одного важного регионально-го игрока, которого необходимо привлекать к участию в программах ШОС, обеспечивая поступательное развитие страны.

Таким образом, Россия должна использовать дипломатические каналы ШОС для реализации региональных проектов в россий-

ских интересах и налаживать рабочие связи с государствами-наблюдателями, одновременно избегая осложнений в отношениях с США.

КИТАЙСКИЕ ОЦЕНКИ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ШОС

В течение длительного времени Китай не принимал активного участия в многосторонних региональных проектах сотрудничества. Однако в 1980-х годах, когда стали налаживаться советско-китайские отношения, а Дэн Сяопин приступил к осуществлению реформ, требовавших расширения торгово-экономического обмена с внешним миром, Китай начал восстанавливать межрегиональные торговые и культурные связи со своими соседями и центральноазиатскими республиками.

Нынешние внешнеполитические задачи Китая в Центральной Азии определяются соображениями национальной безопас-

ности и экономической выгоды. Географически регион располагается в непосредственной близости от одной из самых беспокойных точек Китая – населенного тюркскими народностями Синьцзян-Уйгурского автономного района. С экономической точки зрения Центральная Азия является важнейшим поставщиком энергоресурсов, необходимых Китаю для поддержания нынешних ускоренных темпов экономического роста.

В отличие от России Китай осуществляет консолидированную стратегию в отношении Центральной Азии, которую дополняют отношения на двустороннем уровне. Как говорилось выше, эта политика включает вопросы безопасности и экономические соображения. Китайский исследователь Чжао Хуашэн выделяет несколько приоритетных направлений в политике Китая в этом реги-

позволяющий Китаю опробировать модель многостороннего лидерства с собственным участием в роли одного из ведущих игроков (Jia, 2007). По мнению Пан Гуана, директора Исследовательского центра Шанхайской организации сотрудничества в Шанхае, китайское лидерство в ШОС покоится на трех столпах (Pan, 2008). Во-первых, это «шанхайский дух», или принципы, формирующие концепцию развития ШОС. Эти принципы были сформулированы прежним председателем КНР Цзян Цзэмином в его выступлении на церемонии основания ШОС. Они включают взаимное доверие, взаимную выгоду, равенство, уважение к многообразию культур и цивилизаций и взаимное процветание (Jiang, 2001). Два других столпа китайского лидерства – это поддержка дальнейшей институционализации ШОС и многосторонних проектов, осуществляемых

В ОТЛИЧИЕ ОТ РОССИИ КИТАЙ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ КОНСОЛИДИРОВАННУЮ СТРАТЕГИЮ В ОТНОШЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, КОТОРУЮ ДОПОЛНЯЮТ ОТНОШЕНИЯ НА ДВУСТОРОННЕМ УРОВНЕ

оне, в том числе борьбу против терроризма, экстремизма и сепаратизма, безопасность границ, региональную стабильность, участие в экономическом развитии Центральной Азии и доступ к местным энергоресурсам. Кроме того, в задачи Китая входит недопущение создания в регионе какого-либо антикитайского межгосударственного или военного союза (Zhao, 2005).

С присоединением Китая к Шанхайскому процессу в конце 1990-х годов и его последующим вступлением в ШОС к этому перечню прибавилась еще одна важная задача – укрепление позиций страны в многосторонних организациях. К этому времени Китай уже начал осуществлять стратегию по созданию «пояса добрососедства» вдоль своих границ (Lin et al., 2005). Более того, в девяностых годах прошлого века, стремясь избежать открытия «второго фронта» соперничества с США, Китай уделял повышенное внимание именно странам Центральной, а не Восточной Азии (Колдунова, 2011: 78).

Китайские эксперты рассматривают ШОС как институциональный механизм,

в рамках организации. То обстоятельство, что другие члены ШОС используют китайскую терминологию, призывая к «борьбе» против «трех зол» (экстремизма, терроризма и сепаратизма), свидетельствует об их согласии с позицией Китая в этом вопросе (Использование подобной терминологии еще более знаменательно в свете того, что руководство континентального Китая рассматривает Тайвань в качестве сепаратистской территории).

В целом, многостороннее сотрудничество в Центральной Азии под эгидой ШОС позволило Китаю разрядить напряженность в отношениях с соседями и одновременно создать благоприятную ситуацию для реализации его энергетических интересов. Одновременно Китай приобрел международный опыт продвижения своих инициатив посредством региональных организаций и, как полагают китайские эксперты, смог создать новую модель дипломатического взаимодействия с соседями, существенно отличающуюся от формата отношений КНР и СССР (Pan, 2008).

ПОДХОДЫ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ К РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В РАМКАХ ШОС

Хотя ни одно из центральноазиатских государств-членов не ставило под вопрос членство в ШОС, оценки деятельности этой организации у Казахстана, Узбекистана, Кыргызской Республики и Таджикистана существенно различаются.

Казахстан является одним из наиболее активных приверженцев концепции евразийства как основы для реинтеграции постсоветского пространства и, как правило, выступает в поддержку всех жизнеспособных форм сотрудничества в Центральной Азии. При этом Казахстан не желает безоговорочно признавать российское и китайское лидерство в ШОС и считает себя «творческим лидером» региона (Назарбаев, 2010). На практике это означает свободу действий в налаживании связей с другими международными субъектами, при сохранении хороших отношений с Россией, и поддержание ведущих позиций

в регионе по уровню социально-экономического развития.

Иной подход к региональной политике практикует Узбекистан, не являющийся активным сторонником центральноазиатских интеграционных проектов и программ сотрудничества, которые предлагает Россия. Руководство страны делает ставку на развитие двусторонних отношений с Россией и другими партнерами, включая США, и стремится балансировать между ними так, чтобы извлекать для себя наибольшую выгоду. Узбекистан предпочитает держаться в стороне от коллективной, в частности военной, деятельности региональных организаций, включая подобную деятельность в рамках ШОС (Наумкин и др., 2013). Однако свое членство в ШОС, в отличие от ОДКБ, он пока сохраняет. Отношение Узбекистана к ОДКБ является проекцией его тактики балансирования. Впервые Узбекистан приостановил членство в ОДКБ в 1999 году, но восстановил его в 2006 году, когда США и ЕС ввели санкции против Узбекистана после подавления массовых беспорядков

Здание штаб-квартиры казахстанской национальной нефтяной компании АО «НК «КазМунайГаз», г. Астана

Медресе Мири Араб в городе Бухаре, Узбекистан, построенное в 1512 году

в Андижане. Во второй раз Узбекистан вышел из ОДКБ в 2012 году. Его позиция в ШОС в большинстве случаев также сохраняет двойной характер по мере того, как президент Ислам Каримов пытается заручиться гарантиями безопасности со стороны США, НАТО и России одновременно (Адиясов, 2014).

Национальная безопасность Кыргызстана и Таджикистана в существенно большей степени зависит от международного сотрудничества, прежде всего в рамках ШОС и ОДКБ. Однако практическое взаимодействие в области безопасности обе страны по-прежнему осуществляют на двусторонней основе. Так, 201-я российская военная база (в прошлом 201-я мотострелковая дивизия) охраняет границу Таджикистана с Афганистаном, а Россия и Кыргызстан проводят совместные военные учения. В ходе последних учений («Достук-2013», июнь 2013 года) отрабатывались методы отражения атаки террористов на пограничную область Кыргызской Республики. Хорошие отношения с Россией обеспечивают этим небольшим центральноазиатским государствам определенный уровень безопасности, тогда как сотрудничество с Китаем в рамках ШОС дает экономические выгоды.

Официальные представители Кыргызстана и Таджикистана подчеркивают, что ШОС важна для них не только как многосторонняя структура, но и как механизм укрепления двусторонних связей (Trend.az, 2012). Афганистан после 2014 года представляет реальную угрозу для безопасности обеих стран, с которой они не в состоянии справиться своими силами. Именно поэтому главным приоритетом программы председательства Бишкека в ШОС в 2013 году и программы председательства Душанбе в 2014 году стало укрепление политического сотрудничества и взаимодействия в области безопасности.

Для центральноазиатских государств, в частности Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, ШОС является площадкой для обсуждения чувствительных проблем (энергоресурсы, вода, железнодорожное сообщение между странами региона), которые не поддаются решению на двусторонней основе (Aris, 2011: 71). Заинтересованность Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана в ШОС объясняется и тем, что она дает им возможность «противостоять империи» и преодолеть одностороннюю зависи-

мость от России. По мнению Тимура Дадабаева, однако, такая мотивация имеет и свои ограничения. Ведь обеспечив себе независимость от России они вполне могут впасть в зависимость от Китая (Dadabaev, 2014).

ПОДХОДЫ ИНДИИ К РЕГИОНАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ В РАМКАХ ШОС

Нынешняя внешняя политика Индии нацелена на утверждение страны не только в качестве лидера Южной Азии, но и всего азиатского региона (Blank, 2003). Несмотря на центральное положение Индии в Южной Азии, в силу ряда обстоятельств она не может организовать там полноценное региональное сотрудничество. К их числу относятся противоречия с Пакистаном и желание менее крупных южноазиатских стран избежать односторонней зависимости от Индии. По этой причине политическая элита Индии рассматривает расширение сотрудничества и присутствие в Центральной Азии как логический шаг на пути к превращению Индии в ведущего азиатского игрока (Воскресенский, 2010).

В конце 1990-х годов премьер-министр Индии Кумар Гуджрал назвал Центральную Азию «нашим ближним зарубежьем» и сформулировал региональные экономические приоритеты страны в этом регионе, включая усовершенствование инфраструктуры (железнодорожное сообщение, развитие телекоммуникаций) и сотрудничество в области энергетики (Blank, 2003: 148). Политика Индии в Центральной Азии была приведена в соответствие с внешнеполитической доктриной Гуджрала, согласно которой Индия как ведущая региональная держава должна создавать благоприятные условия для развития экономических отношений с соседними странами, не ожидая немедленных ответных шагов.

В 2012 году Индия объявила о начале осуществления внешнеполитического проекта «установления взаимосвязей с Центральной Азией» (Connect Central Asia). Во время первой встречи в рамках диалога «Индия – Центральная Азия», прошедшей в июне того же года в Бишкеке, министр иностранных дел Индии Едаппакат Ахамед перечислил несколько ключевых областей для укрепления связей между Индией и Центральной

Президент России Владимир Путин (справа) и премьер-министр Индии Нарендра Моди, 2014 год

Азией, включая политическую и военную сферу (совместные военные учения и борьба с терроризмом), многостороннее сотрудничество в ШОС, сотрудничество Индии с Таможенным союзом, совместную разведку энергетических и природных ресурсов, образование, информационные технологии, а также совместные усилия по созданию транспортного коридора «Север-Юг» (Ahamed, 2012). Индия рассматривает поддержание стабильности в Афганистане как жизненно важное условие развития сотрудничества с Центральной Азией; следовательно, для расширения взаимосвязей между Индией и Центральной Азией важен процесс консультаций по ситуации в этой стране.

Политика Индии в отношении региона в целом созвучна американской стратегии создания «Большой Центральной Азии», связанной экономическими узами с Южной Азией и прежде всего с Индией (Boucher, 2006). Однако Индия подчеркивает, что, по сравнению с США, она с большей терпимостью относится к вопросу демократизации политических режимов в регионе.

В нынешнем исследовательском дискурсе Центральная Азия рассматривается в качестве нового стратегического ареала Индии, стремящейся играть конструктивную роль в регионе и в ШОС (Sachdeva, 2012; Kundu, 2012). Но, несмотря на признание роли ШОС как важного инструмента в противостоянии новым угрозам, ее значение для сотрудничества Индии со странами Центральной Азии, Китаем и Россией по-прежнему носит второстепенный характер, поскольку приоритет отдается двусторонним проектам, в частности с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном (Trivedi, 2011; Joshi, 2010). Осторожный подход Индии к ШОС (несмотря на официальную поддержку) можно объяснить неопределенностью будущих перспектив организации и характера отношений между государствами-участниками. Ряд экспертов считают, что Индия не заинтересована в том, чтобы доминирующую роль в организации играл Китай, а Россия при этом оказалась бы в подчиненном по отношению к нему положении (Sachdeva, 2012: 80).

ЕВРОПЕЙСКИЙ И АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯДЫ НА ШОС

В европейском и американском научном дискурсе существует несколько толкований роли и задач ШОС. Прямо или косвенно эти толкования отражают мнения, бытующие в некоторых сегментах европейского и американского политического сообщества.

В западных странах преобладает тенденция рассматривать ШОС с точки зрения геополитического баланса сил. Приверженцы крайних взглядов в рамках геополитического толкования делают акцент на роли, которую играет ШОС в сохранении местных авторитарных политических режимов и обеспечения их легитимности. Утверждается, что ШОС и, в частности, ее взаимоотношения с государствами-наблюдателями (прежде всего, с Ираном) направлены против Запада

и США (Cohen, 2006; Laguelle и Peyrouse, 2012: 37). Некоторые эксперты рассматривают ШОС как инструмент сохранения главенствующей роли Китая и России в Центральной Азии. Россия отвечает за расширение военно-политического сотрудничества, тогда как Китай доминирует в вопросах экономического взаимодействия в регионе. Таким образом, эти две страны посредством своеобразного разделения труда поддерживают свое лидерство в Центральной Азии (Contessi, 2010).

С точки зрения нормативного подхода, ШОС «лишает легитимности деятельность, направленную против существующих режимов в целях продвижения демократии» (Ambrosio, 2008: 1341) в государствах-членах, используя дискурс «региональной стабильности». Согласно этой точке зрения, важнейшим фактором, объединяющим членов ШОС, является задача сохранения

МЕХАНИЗМ ШОС МОЖЕТ АКТИВИЗИРОВАТЬ ПРОЦЕСС ВКЛЮЧЕНИЯ РОССИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ АРХИТЕКТУРУ АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Символика саммита АТЭС-2012 на Центральной площади Владивостока

суверенитета, тогда как реальная основа для регионального сотрудничества, в частности взаимодополняемость в торговле, отсутствует. Именно эти соображения, равно как и озабоченность региональных лидеров проблемами стабильности своих режимов после «цветных революций» в ряде постсоветских государств и послужили причиной так называемой «оборонительной интеграции», воплощением которой и стала ШОС (Allison, 2008: 188). В связи с этим ряд экспертов считают ШОС недееспособным региональным механизмом, который следует дополнить внешними «стратегическими партнерствами», например, между ЕС с одной стороны и Россией, Китаем и Индией – с другой (Renard, 2013). Рафаэлло Пантуччи и Ли Лифан полагают, что ШОС не имеет «ясного представления о своей роли в мире» и это усугубляет неэффективность организации в региональных делах (Pantucci и Li, 2013).

Однако исследователи, придерживающиеся более взвешенного, центристского, подхода к ШОС, признают, что основными приоритетами организации являются внутренние региональные проблемы и борьба с новыми угрозами (Aris, 2011). В рамках такого подхода ШОС рассматривается как организация, имеющая ограниченные возможности в плане обеспечения региональной безопасности своими силами, что, однако, не умаляет ее значения как для Центральной Азии, так и для Запада в вопросах стабилизации ситуации в регионе (Ziegler, 2013).

Сравнительный анализ оценок ШОС в рамках официального и исследовательского дискурсов государств-членов ШОС, государств-наблюдателей и стран, не входящих

в организацию, позволяет сделать вывод, что большинство из них обусловлены предыдущим опытом регионального или квази-регионального сотрудничества указанных акторов (России, Китая, Индии, США и ЕС), а также теми задачами в области политики, экономики и безопасности, которые определяют формы взаимодействия этих игроков с государствами Центральной Азии на современном этапе.

Европейские и американские ученые обычно оценивают нормативные аспекты деятельности ШОС в увязке с проблемами демократизации в регионе. Некоторые эксперты настаивают на том, что эффективность ШОС в качестве независимого игрока невысока и что она нуждается во внешних партнерах. Они также убеждены в необходимости изменения внутривнутриполитической ситуации в государствах-членах ШОС.

Индия рассматривает взаимодействие с ШОС как одно из направлений сотрудничества с Центральной Азией и важный элемент более масштабной стратегии в отношении региона. Для России и Китая ШОС представляет интерес не в качестве основы региональной интеграции, в том виде, в каком она формулируется классической теорией интеграции, но как способ структурирования регионального пространства без внешнего вмешательства. Кроме того, механизм ШОС может активизировать процесс включения России в институциональную архитектуру Азиатско-Тихоокеанского региона, созданную без прямого участия России. Для полной интеграции в эту архитектуру России необходимы дополнительные политические и экономические инструменты, и ШОС вполне способна стать одним из них.

ШОС СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И ДИЛЕММЫ

Главным структурным вызовом, стоящим перед ШОС, является растущее противоречие между региональной ориентацией и возможными макрорегиональными и даже глобальными последствиями деятельности этой организации. Как отмечалось в предыдущем разделе, ряд экспертов и политиков видят в ШОС инструмент изменения глобального баланса сил. С учетом реальных возможностей ШОС и намерений государств-членов такая трактовка роли ШОС представляется необоснованной. Между тем некоторые специфические черты, присущие ШОС, действительно больше не укладываются

в рамки узконаправленной сугубо региональной организации.

Во-первых, к настоящему времени ШОС полностью исчерпала первоначальную повестку дня, разработанную в 90-х годах прошлого века. Заинтересованные стороны урегулировали неотложные пограничные проблемы и разработали эффективный механизм мер доверия. Сейчас ШОС занимается налаживанием более комплексного сотрудничества, которое могло бы создать социально-экономическую основу для обеспечения региональной безопасности. Британский исследователь Стивен Эйрис выделяет три периода в эволюции ШОС после

Флаги государств-участников совместных учений стран Шанхайской организации сотрудничества
“Мирная миссия - 2010” в Казахстане

1990-х годов: институциональное развитие (2001–2004 годы), разработка повестки дня (2004–2007 годы), осуществление повестки дня (2007- настоящее время) (Agis, 2011). На последнем из упомянутых этапов Афганистан превратился для стран-членов ШОС в основную проблему безопасности, а обеспечение более широкого социально-экономического сотрудничества стало ключевой целью. Похоже, однако, что перед ШОС сейчас стоит задача не только реализации разработанной повестки дня, но и ее качественной трансформации. Для этого необходимо изменить представления о ШОС как о всего лишь диалоговой платформе и сориентировать институты организации на достижение практических целей, доказав тем самым, что функциональное многостороннее сотрудничество в рамках ШОС возможно. Обоснование существования ШОС, которое строится

находится в процессе становления. ШОС еще в 2004 году выступила с так называемой Ташкентской инициативой, предполагавшей создание в АТР сети партнерских организаций (Барский, 2012). Однако особой активности в этой сфере не отмечалось до Восточноазиатского саммита в Брунее в 2013 году, на котором было решено приступить к обсуждению предложенного Россией и поддержанного Китаем предложения по формированию архитектуры региональной безопасности. Вполне возможно, что это и станет шагом к разработке новой системы безопасности с вероятным участием ШОС.

Еще одна причина, по которой ШОС вынуждена учитывать макрорегиональные последствия своей деятельности, – это растущее число государств-наблюдателей и партнеров по диалогу, ряд которых заинтересованы в полномочном членстве в орга-

ВОЗРАСТАЮЩЕЕ ВНИМАНИЕ К ШОС СО СТОРОНЫ ДРУГИХ

ЕВРАЗИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ЕЕ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

АВТОРИТЕТ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ

на эффективности организации в отдельных конкретных вопросах, таких как проведение консультаций, налаживание диалога и осуществление мер доверия, на данном этапе уже не поможет ШОС в решении таких насущных проблем как противостояние угрозам, исходящим от Афганистана, или осуществление всеобъемлющих программ сотрудничества на многостороннем уровне.

Во-вторых, стремление России реализовать свою стратегию и вписать ШОС в структуру безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона является еще одним подтверждением способности ШОС решать более масштабные задачи. Нынешние параметры региональной безопасности в АТР в значительной степени является продуктом двусторонних союзов с участием США, а также неформального диалога в рамках Регионального форума АСЕАН по безопасности и министров обороны стран-участниц АСЕАН и партнеров по диалогу («СМОА плюс»). Нацеленный на обсуждение вопросов безопасности Восточноазиатский саммит (ВАС), членами которого являются Россия и Китай, пока

низации. Первым государством-наблюдателем организации стала Монголия (2004 год). В том же году на саммите в Ташкенте была разработана процедура предоставления статуса наблюдателя в ШОС. В 2005 году наблюдателями стали Индия, Пакистан и Иран. В 2012 году статус наблюдателя получил Афганистан. Позднее Пакистан, Иран и Индия заявили о своем желании стать полноправными членами организации.

В ответ на это ШОС в 2010 году установила критерии приема новых членов. Страна, заинтересованная во вступлении в ШОС, должна находиться в Евразии, быть наблюдателем или партнером ШОС по диалогу, иметь активные экономические связи с государствами-членами ШОС, не находиться под санкциями ООН или в состоянии конфликта с другим государством (Weitz, 2011). При этом официальная позиция ШОС заключалась в том, что организация в большей степени заинтересована в углублении сотрудничества между ее членами, нежели в дальнейшем расширении. Таким образом, фактически в этом вопросе сохранялся статус-кво.

Россия в 2012 году поддержала заявку Индии на вступление в ШОС в качестве полноправного члена. Пока, однако, неясно, последует ли продолжение, поскольку по примеру Индии и другие государства-наблюдатели могут начать активно добиваться приема в ШОС. В первую очередь это относится к Ирану, который, по всей видимости, попытается вступить в организацию сразу после снятия международных санкций, введенных в связи с ядерной программой. Даже при том, что отношения между Индией и Пакистаном и международное положение Ирана в последнее время улучшились, членство этих стран в ШОС, безусловно, принесет новые элементы в повестку дня организации.

Возрастающее внимание к ШОС со стороны других евразийских государств означает, что ее международный авторитет увеличивается, однако ее расширение может изме-

ленным вызовом для самой России. В последние два десятилетия в Евразии впервые за всю историю ее развития сложилась уникальная ситуация: экономическая мощь России ослабевала, а Китай усиливался. Российский исследователь Алексей Воскресенский отмечает, что в первое десятилетие XXI века политическая элита России по ряду причин положительно рассматривала расширение российско-китайского взаимодействия в Центральной Азии. В сотрудничестве с Китаем Россия видела средство «дальнейшей стабилизации российского «подбрюшья» в Азии» (Voskressenski, 2012: 6), пусть даже за счет усиления присутствия Китая в регионе в то время, когда у самой России не имелось достаточно ресурсов для структуризации региональной экономики своими силами. Схожего мнения придерживается и другой российский аналитик Андрей

КИТАЙ ОТДАЕТ ВСЕ БОЛЬШЕЕ ПРЕДПОЧТЕНИЕ РАЗВИТИЮ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ С ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ, А НЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МНОГОСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

нить соотношение сил внутри организации и, главное, перенести акцент с вопросов обеспечения безопасности в Центральной Азии на проблемы потенциальных членов.

Впрочем, необходимость стабилизации ситуации в Афганистане заставит ШОС расширить сотрудничество с государствами-наблюдателями и пересмотреть функции как самих государств-наблюдателей, так и партнеров по диалогу. Кроме того, рост числа государств, официально заявивших о своей заинтересованности в укреплении связей с ШОС, повышает ее международную легитимность и подрывает доверие к тем, кто считает ее «клубом авторитарных режимов». Все это также соответствует интересам России по расширению числа партнеров, заинтересованных в многосторонних проектах под эгидой ШОС в противовес односторонним действиям тех или иных стран в Центральной Азии.

Подъем Китая придает новое измерение дилемме развития ШОС и является опреде-

Казанцев. Он полагает, что ШОС позволяет Китаю сотрудничать с Россией наиболее эффективным образом и сокращать собственные издержки продвижения в Центральной Азии. России же ШОС дает возможность хотя бы косвенно контролировать деятельность Китая в регионе (Kazantsev, 2008: 232).

Экономический подъем Китая и его стремление инвестировать средства в страны Центральной Азии повышают статус ШОС, формируя экономическую основу для реализации задач по обеспечению безопасности. В первое десятилетие XXI века наблюдался беспрецедентный рост торговли между Китаем и центральноазиатскими государствами. Менее чем за десять лет объем двусторонней торговли вырос почти в 15 раз по сравнению с периодом 1990-х годов. Экспансии Китая в регионе способствовали упомянутая выше «дипломатия добрососедства» и поддержка, которую он оказывал светским политическим режимам в Центральной Азии в качестве защиты от радикального

исламизма. Укрепляя политические и экономические отношения со странами Центральной Азии, Китай в числе прочего получил доступ к энергетическим ресурсам, столь необходимым для развития его северо-восточных регионов, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района. Еще в начале 1990-х годов руководство страны в рамках политики поощрения приграничной торговли выдвинуло в качестве стратегической задачи превращение Синьцзяна в ключевой регион развития торговых и экономических связей с Центральной Азией, чему способствовала его давние исторические и географические связи с центральноазиатскими государствами. С этой целью правительство КНР организовало особые экономические зоны, открыло новые и переоборудовало старые контрольно-пропускные пункты на границах с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, и предоставило статус «открытого города» ряду населенных пунктов, в частности Хоргосу и Кашгару, где намечалось создание приграничных рынков.

Позиции, завоеванные Китаем в Центральной Азии за десять лет существования ШОС, свидетельствуют о том, что Китай отдает все большее предпочтение развитию двусторонних отношений с центральноазиатскими государствами, а не осуществлению многосторонних экономических проектов. Так, ряд центральноазиатских проектов в области инфраструктуры, которые позиционируются как проекты в рамках ШОС или обсуждались на саммитах ШОС, в действительности осуществляются либо на двусторонней основе (Linn, 2012; Kleu, 2013), либо при участии нескольких сторон, но вне рамок организации. Ряд исследователей утверждают, что Китай был вынужден «развивать двустороннее сотрудничество под эгидой ШОС», в том числе в области энергетики, поскольку не мог заключить многостороннее соглашение с участием России (Song, 2014: 97). С учетом растущей экономической мощи Китая, однако, все более актуальным становится вопрос о том, какое место отводится ШОС в рамках стратегии Китая в Евразии.

Исторически Китай рассматривал Центральную Азию сквозь призму китаеццентричной концепции внешней политики, которой придерживалась и маньчжурская династия Цин. Согласно этой концепции, население центральноазиатских ханств

считалось «народом государств, номинально подчиненных Китаю», хотя формально независимых (Воскресенский и Лузянин, 2004: 389). В XIX веке и начале XX века Цинская империя медленно, но верно отступала под натиском российской и британской экспансии в Центральной Азии. На протяжении большей части XX века Китай не мог взаимодействовать с центральноазиатскими республиками СССР напрямую. Не способствовало улучшению ситуации в Евразии и китайско-советское противостояние, в том числе пограничные споры.

Расширение в последние два десятилетия экономических и политических контактов между Китаем и центральноазиатскими государствами заставляет некоторых исследователей задуматься над тем, не рассматривает ли Китай Центральную Азию, наряду с Юго-Восточной Азией, в качестве регионов, где он мог бы восстановить свое исторически утраченное влияние (Лузянин, 2010). Хотя, естественно, вопрос о том, насколько китаеццентричная концепция применима к современной внешней политике Китая остается в высшей степени дискуссионным, ясно, что центральноазиатским государствам, готовым следовать в русле со-развития с Китаем и принимающим китайскую финансовую помощь, придется, по всей видимости, сослаться и с приматом китайских национальных интересов над их собственными (Halper, 2010; Voskressenski, 2012). Недавняя китайская инициатива по созданию экономического пояса «Шелковый путь», связывающего Китай с Европой через Центральную Азию, Афганистан, Иран и Турцию, а также итоги визитов Си Цзиньпина в центральноазиатские государства в 2013 году (будут рассмотрены подробно в следующей главе) заставляют задуматься о том, не случится ли так, что рано или поздно двусторонние отношения со странами Центральной Азии оттеснят ШОС на второй план в системе внешнеполитических приоритетов Китая.

Ближайшей и наиболее актуальной проблемой ШОС является положение в Афганистане после 2014 года. Впервые за всю историю своего существования организация вынуждена противостоять угрозам, которые в территориальном плане исходят от государства, не являющегося членом ШОС, но могут оказать на нее самое

непосредственное воздействие. В этой связи перед ШОС встает задача согласования своей стратегии с политикой других евразийских государств, вовлеченных в различные региональные инициативы по стабилизации ситуации в Афганистане. В частности, к таким инициативам относится «Стамбульский процесс по региональной безопасности и сотрудничеству для безопасного и стабильного Афганистана», стартовавший в Турции в 2011 году (известный также как «Сердце Азии»), в котором участвуют Афганистан, Индия, Кыргызстан, Пакистан, Россия, Таджикистан, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Китай, Иран, Саудовская Аравия, Казахстан и Туркменистан. Стамбульский процесс исходит из того, что Афганистан является связующим звеном между несколькими регионами – Центральной Азией, Евразией, Южной Азией и Ближним Востоком,

цесс стабилизации ситуации в Афганистане потребует согласования повесток дня различных инициатив, появляющихся в результате деятельности Стамбульского процесса, российско-китайско-индийского диалога по Афганистану, Кабульского процесса, НАТО и собственно ШОС.

Положение в Афганистане вызывает глубокую обеспокоенность у всех членов ШОС. С 2014 года региональная стабильность подвергается серьезному испытанию. С выводом основной части Международных сил содействия безопасности и перегруппировкой оставшегося контингента могут существенно возрасти террористические угрозы в самом Афганистане и в соседних странах. В советский период на Центральную Азию пришлось существенные потери, связанные с афганской войной. В последние годы талибы обеспечили членам Ислам-

НИ АФГАНИСТАН, НИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ ГОСУДАРСТВА

БОЛЬШЕ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИМИ

ПРИОРИТЕТАМИ ДЛЯ США, КОТОРЫЕ СЕЙЧАС НАХОДЯТСЯ

В ПРОЦЕССЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВОРОТА К АЗИАТСКО-

ТИХООКЕАНСКОМУ РЕГИОНУ

и ставит перед странами-участницами ряд задач по расширению политического и экономического сотрудничества и взаимодействия в сфере безопасности. В практической плоскости основные задачи Стамбульского процесса состоят в достижении договоренностей в области пограничного контроля, развитии торговли и реализации проектов в сфере инфраструктуры (MFA of Turkey, 2011). Кроме того, важную роль играет Кабульский процесс, обеспечивающий контакты Афганистана с государствами-донорами и организациями, представляющими международное сообщество.

Появление новых площадок для диалога по Афганистану создает более плотную ткань международного сотрудничества. Одновременно растет число заинтересованных сторон, каждая из которых имеет собственное видение перспектив Афганистана после 2014 года. Следовательно, про-

ского движения Узбекистана (ИДУ) доступ к опорным пунктам, военной подготовке и вооружениям. По данным экспертов, самый опасный сценарий связан с быстрой мобилизацией радикальных групп, базирующихся на севере Афганистана. По словам секретаря Совета безопасности Кыргызстана Бусурманкула Табалдиева, в афганской части Бадахшана (области, лежащей по обе стороны таджикско-афганской границы) растет число повстанческих формирований из уроженцев Центральной Азии и Северного Кавказа. Дальнейший рост активности таких группировок чреват всплеском экстремизма не только в Афганистане, но и в государствах Центральной Азии, а также в России.

По мнению большинства международных наблюдателей, Афганистан не сможет полностью обеспечить свою безопасность после вывода Международных сил содействия безопасности в 2014 году. Ни Афгани-

стан, ни центральноазиатские государства больше не являются внешнеполитическими приоритетами для США, которые сейчас находятся в процессе стратегического разворота к Азиатско-Тихоокеанскому региону (Mapkoff, 2013). Такая переориентация, вне зависимости от спорности ее результатов, знаменует серьезный сдвиг во внешнеполитической стратегии, который неминуемо скажется на военных расходах. В 2013 году, выступая на пленарном заседании Диалога Шангри-ла, министр обороны США Чак Хейгел заявил, что уровень военного присутствия США в АТР будет достаточен для осуществления стратегического разворота даже при самом неблагоприятном бюджетном сценарии (Hagel, 2013).

В этих условиях первоочередной задачей ШОС является улучшение координации действий между государствами-членами и партнерами по диалогу, включая Афганистан, а также между ШОС и Организацией Договора коллективной безопасности (ОДКБ) в целях предотвращения любой военной угрозы светским режимам в регионе. Сохранение светских режимов не только обеспечит определенные гарантии региональной стабильности, но и создает условия для модернизации и социально-экономического развития региона. Программа сотрудничества в борьбе с угрозами терроризма, сепаратизма и экстремизма на период 2013–2015 годов, принятая на саммите ШОС в Пекине в 2012 году, включает необходимый нормативный инструментарий по противодействию угрозам в краткосрочной перспективе. Планы действий, конкретизирующие дальнейшие шаги в рамках этой программы, включают совместные усилия по выявлению и блокированию источников финансирования террористических групп, борьбу с кибертерроризмом и обеспечение безопасности важных международных мероприятий на территории государств-членов ШОС.

Существуют также свидетельства начавшегося диалога по Афганистану между ШОС и НАТО. 27 марта 2009 года в Москве состоялась организованная ШОС конференция по Афганистану, в которой приняли участие представители стран НАТО. Принятый на конференции План действий ШОС и Афганистана предусматривает расширение участия ШОС в делах Афганиста-

на и масштабное сотрудничество в области борьбы с терроризмом и наркоторговлей в регионе. С учетом того что Афганистан по всему периметру граничит с государствами-членами и государствами-наблюдателями ШОС, этот план можно считать дорожной картой, призванной, в конечном счете, обеспечить включение Афганистана в зону влияния ШОС. США и ШОС уже нащупывают пути взаимодействия для перехода от модели обеспечения безопасности Афганистана силами НАТО к системе, в которой главную роль будут играть страны региона.

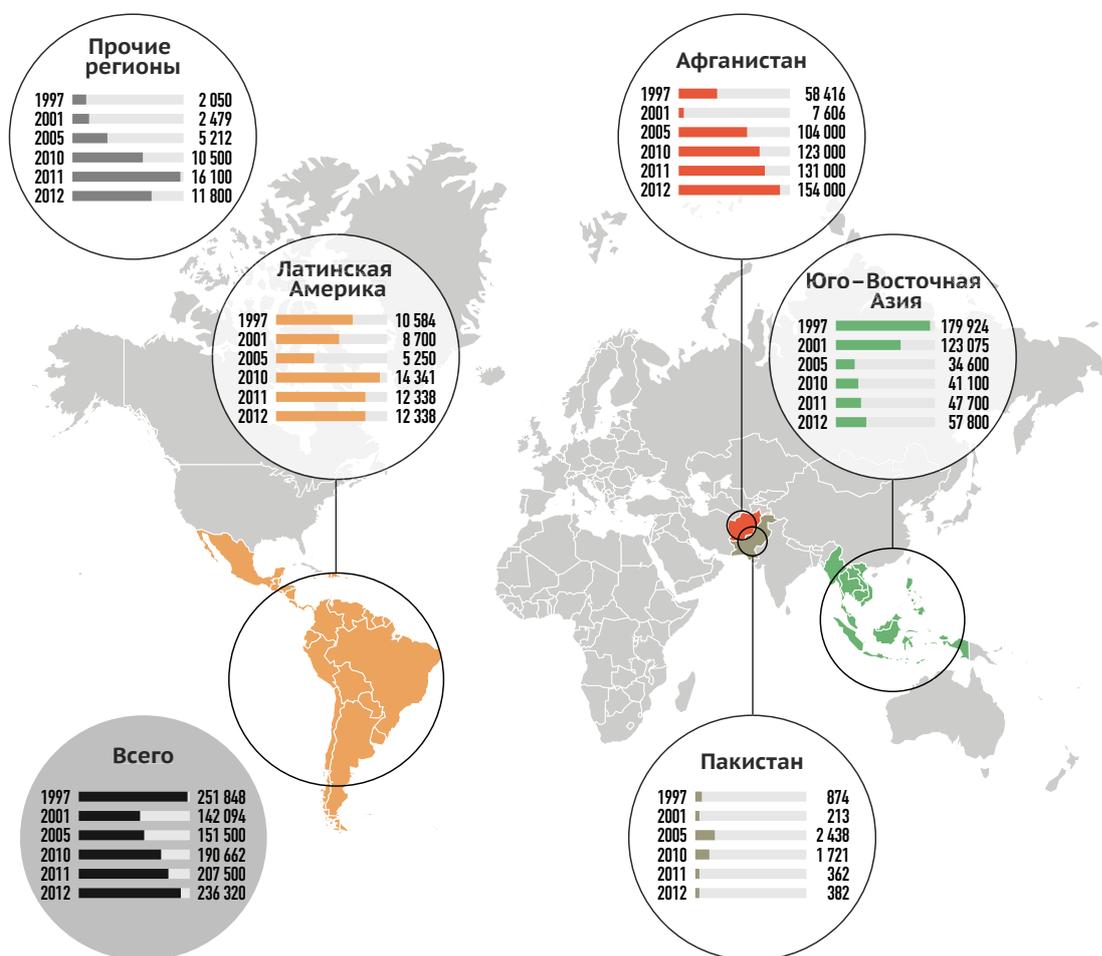
Существует, однако, ряд факторов, которые сдерживают развитие сотрудничества между НАТО и ШОС, что усугубляет непредсказуемость ситуации в Афганистане. Во-первых, как отметил в 2014 году российский координатор в ШОС Кирилл Барский, ШОС не может заменить НАТО в Афганистане и взять на себя ответственность за обеспечение безопасности государства, не являющегося членом ШОС (Infoshos, 2014). Кроме того, ни прошлая история ШОС, ни ее нормативная база не указывают на то, что ШОС может получить мандат на такую деятельность от своих членов. Во-вторых, действия США в отношении Узбекистана, являющегося членом ШОС, ставят организацию в двусмысленное положение. В июне 2013 года в Ташкенте открылось региональное представительство НАТО, заявленной целью которого является координация действий по выводу Международных сил содействия безопасности и транспортировке военной техники (Адясов, 2014). Однако возобновление военных контактов между США и Узбекистаном и планируемые поставки американского оружия в Узбекистан ставят под вопрос степень готовности Узбекистана координировать свои действия в отношении Афганистана в рамках ШОС.

Транспортировка афганских наркотиков в Россию через территорию центральноазиатских государств представляет еще одну угрозу безопасности ШОС. Согласно Всемирному докладу ООН о наркотиках (UN, 2012), Афганистан выращивает свыше 60% опийного мака-сырца и является ведущим производителем опия в мире.

Продолжающийся с 2001 года безостановочный рост производства наркотиков

Производство опиия в мире

Площади, занятые под незаконное культивирование опийного мака в мире, 1997-2012 годы (в гектарах)

Источник: World Drug Report 2012, World Drug Report 2013

в Афганистане (сокращение в 2010 году было обусловлено болезнью, поразившей опийный мак) приобретает новое географическое измерение, охватывая не только север, но и южные области страны. Прокладываются и новые маршруты незаконной транспортировки наркотических средств. В настоящее время густая сеть таких маршрутов связывает Афганистан с Казахстаном, другими центральноазиатскими государствами и Россией – главным рынком сбыта наркотиков помимо Европы. Эксперты прогнозируют дальнейший рост контрабанды наркотиков в связи с вводом в действие новых марш-

рутов, связывающих Китай с Европой через страны Центральной Азии.

Однако для того, чтобы на региональном уровне успешно противостоять угрозам, исходящим от Афганистана, государствам-членам ШОС необходимо урегулировать собственные нерешенные споры. Несмотря на общую позитивную динамику в сфере демаркации и делимитации границ, своего рода «визитную карточку» ШОС, между центральноазиатскими государствами по-прежнему происходят пограничные инциденты. Территориальные споры омрачают отношения между Кыргызстаном и Узбеки-

Производство опия в мире

Вероятные объемы производства абсолютно сухого опия, 1997–2012 годы (в тоннах)

Источник: World Drug Report 2012, World Drug Report 2013

станом, Кыргызстаном и Таджикистаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Последний пограничный инцидент между Кыргызстаном и Таджикистаном был урегулирован совместными усилиями секретарей советов безопасности двух стран. Однако в январе 2014 года Кыргызстан отозвал посла из Таджикистана в связи с новыми вооруженными столкновениями на границе.

Помимо пограничных споров, центральноазиатские страны-члены ШОС сталкиваются с внутренними проблемами структурного характера, чреватými последствиями для ШОС и российской внешней политики

в регионе. Это подводит нас к еще одному – пока что неявному – вызову, способному в будущем нанести ущерб и ШОС, и позициям России в регионе. Речь идет о **растущей дифференциации центральноазиатских стран по масштабам сотрудничества с Россией и уровню государственного потенциала**. Первый аспект этой проблемы связан с особенностями российской политики, осуществлявшейся в Центральной Азии на протяжении двух последних десятилетий. До недавнего времени Россия не имела масштабных проектов экономического сотрудничества со странами региона,

Сторожевые башни Гисарской крепости, Таджикистан

да и сами центральноазиатские государства стремились покончить с зависимостью от России путем участия в других международных партнерствах.

Второй аспект этой проблемы связан с текущей политической ситуацией в Центральной Азии и способностью центральноазиатских государств осуществлять политические преобразования мирным путем. В целом, случаи бесконфликтной передачи политической власти в постсоветских республиках представляют собой редкое явление. В России и Азербайджане имела место «управляемая» смена власти (в эту же группу, с известными оговорками, можно включить и Туркменистан); власть менялась вследствие столкновения элит («цветные революции» на Украине, в Грузии и Кыргызстане); в ограниченном количестве случаев удалось инициировать процесс передачи власти демократическим путем (президентские выборы в Кыргызстане в 2011 году). Отсутствие институционализированного процесса передачи властных полномочий в странах, окружающих Афганистан, открывает пути

для захвата власти экстремистами, что также может стать проблемой для ШОС.

ШОС не имеет ни механизма, ни мандата для принятия мер по урегулированию внутриполитических проблем ее государств-членов. Судя по «революции тюльпанов» в Кыргызстане, она и не стремится предпринимать усилия в этом направлении. Представляется, однако, что ШОС уделит должное внимание вопросу о том, как внутренние перемены (например, в Узбекистане, вступающем в предвыборный год) могут повлиять на ее способность выполнять свои функции.

Таким образом, перед ШОС стоят вызовы и дилеммы, требующие неотложных решений, в том числе проблема Афганистана после 2014 года и более долгосрочные вопросы структурного характера. В общем и целом, это говорит о том, что ШОС вступает в новую фазу своего развития. Ответные меры, которые будут приняты самой организацией и Россией в качестве государства-члена, определяют дальнейшую жизнеспособность ШОС и ее соответствие требованиям регионального развития.

РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ В ШОС

Многие эксперты сходятся в том, что за последние десять лет в ШОС сложился баланс интересов по поводу дальнейшего развития организации: Китай укреплял экономические связи с членами ШОС, а Россия занималась политическими аспектами многостороннего сотрудничества и вопросами безопасности. Другие государства-члены ШОС – Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан – поддерживали оба подхода, временами выражая обеспокоенность

включая строительство нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан и программу модернизации инфраструктуры Владивостока. Осуществляются и другие высокотехнологичные проекты, в том числе возведение космодрома «Восточный» в Амурской области. Упор на развитие Сибири и Дальнего Востока естественным образом подталкивает Россию к установлению более тесных отношений с партнерами в АТР. Однако не следует недооценивать и значение для России

РЕЗУЛЬТАТОМ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА МОЖЕТ СТАТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СИСТЕМЫ ВЗАИМОЗАВИСИМЫХ ПРОЕКТОВ СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЙСКИМ УЧАСТИЕМ

перспективой оказаться в положении подчиненных, и пытались балансировать между главными региональными игроками.

Однако существует несколько причин, в силу которых России следует дополнить традиционную деятельность в сфере безопасности широкой программой экономического сотрудничества в рамках ШОС, которая принимала бы в расчет как задачи национального развития России, так и перемены, происходящие в Центральной Азии и за ее пределами – в динамично развивающихся Восточной Азии и АТР.

В годы, предшествовавшие российскому председательству в АТЭС (2012 год), правительство Российской Федерации дало ясно понять, что стратегическим национальным приоритетом России, нацеленным на укрепление взаимосвязи европейской и азиатской частей страны, является развитие Сибири и Дальнего Востока. Готовясь вступить в должность председателя, Россия успешно реализовала несколько крупных проектов,

Центральной Азии как с экономической точки зрения, так и с точки зрения безопасности. Не обеспечив безопасность своих границ в Центральной Азии, Россия вряд ли сможет выполнить задачу по развитию Сибири и Дальнего Востока.

В 2012 году Россия, Казахстан и Беларусь создали Единое экономическое пространство. В ближайшие годы Кыргызстан и Таджикистан будут рассматривать возможность вступления в Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана. Все это способно внести раскол в ряды российских партнеров по ШОС, отделив центральноазиатские государства, желающие участвовать в евразийской интеграции, от тех, которые не проявляют к ней большого интереса или не готовы присоединиться к проекту. Однако результатом этого также может стать создание в Центральной Азии системы взаимозависимых проектов сотрудничества с российским участием. Некоторые из этих проектов, в частности в сфере транспорта, телекомму-

Главы государств-членов ШОС во время церемонии подписания документов

по итогам Юбилейного саммита. Астана, 2011 год

ШАНХАЙ ҒЫТЫМАҚТАСТЫҚ ҰЙЫМЫНА 10 ЖЫЛ
10 лет ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА
上海合作组织成立10周年

2010 КАЗАХСТАН 2011
哈萨克斯坦

ШАНХАЙ ҒЫТЫМАҚТАСТЫҚ ҰЙЫМЫНА
МҮШЕ МЕМЛЕКЕТТЕРІ БАСШЫЛАРЫ КЕҢЕСІНІҢ ОТЫРЫСЫ

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ГЛАВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ
ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА
Астана - 2011

上海合作组织成员国元首理事会会议
阿斯塔纳市 - 2011

никаций и энергетики, могут быть воплощены в жизнь в рамках ШОС и включать все центральноазиатские государства и Китай.

Однако не следует игнорировать и тот факт, что Китай и ряд центральноазиатских государств уже осуществляют многочисленные проекты в области инфраструктуры и энергетики на двусторонней или многосторонней основе. Некоторые из них (например, запланированное строительство железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан) напрямую конкурируют с российскими планами по увеличению пропускной способности трансевразийских транспортных маршрутов, проходящих по российской территории. Реализация недавно объявленного плана Китая о создании пояса экономического развития «Шелковый путь», стратегии США под названием «Новый Шелковый путь», инфраструктурных проектов ЕС в Центральной Азии и японской «Дуги свободы и процветания» может привести к тому, что вокруг России будут созданы более благоприятные условия для деловой активности, что повысит конкурентные преимущества этих территорий.

Россия заинтересована в реализации в Центральной Азии логистических проектов, увязанных с задачами развития Сибири и Дальнего Востока, и, что еще важнее, с перспективными многосторонними инфраструктурными проектами, которые будут осуществляться в рамках ШОС и Евразийского союза.

Наряду с сотрудничеством в области безопасности – традиционным российским приоритетом – на второе место в деятельности ШОС постепенно выходит важная задача по расширению социально-экономических связей. До сих пор главной движущей силой этого процесса был Китай, который в высшей степени заинтересован в расширении сотрудничества в области экономики и инфраструктуры между центральноазиатскими государствами и быстро развивающимися районами на северо-западе страны. Однако при всей своей важности китайские экономические проекты в Центральной Азии не могут в полной мере обеспечить решение общих для всех центральноазиатских государств проблем. Наиболее серьезными из них являются надвигающаяся угроза роста торговли наркотиками и насущная потребность в масштабной модернизации

экономики с целью сохранения светских режимов, противостоящих радикальным исламистам, которые набирают силу в Афганистане и вокруг него.

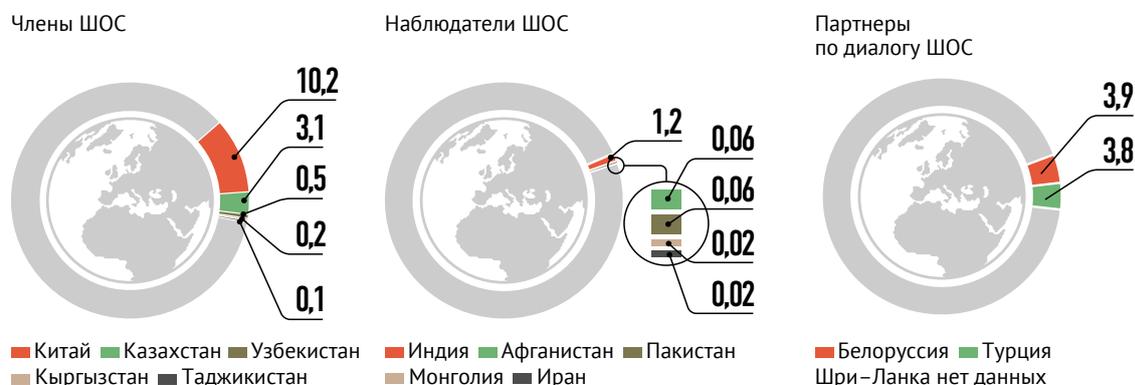
Интеграция в рамках ШОС невозможна ввиду различного уровня экономического развития участников и асимметричных потенциалов государств-членов по осуществлению торговой политики. Именно по этой причине члены организации не поддержали предложение о создании в ШОС зоны свободной торговли, выдвинутое Китаем в 2003 году. Создание Евразийского союза, напротив, могло бы побудить Казахстан, а в будущем, возможно, Кыргызстан и Таджикистан, к экономической реинтеграции с Россией. В этом случае ШОС занималась бы «мягким» региональным управлением, координацией и осуществлением проектов, которые бы повышали уровень стабильности в регионе в целом.

В общих чертах, основные интересы России в ШОС состоят в следующем:

- содействовать созданию у ШОС репутации независимой региональной организации с собственным видением ситуации в регионе, одновременно подчеркивая готовность ШОС работать со всеми сторонами и организациями, желающими участвовать в программах сотрудничества;
- демонстрировать важность деятельности ШОС на региональном и макрорегиональном уровнях путем активного вовлечения государств-наблюдателей и партнеров по диалогу в проекты, посредством которых они могут внести реальный вклад в усилия по стабилизации ситуации в Афганистане и повысить эффективность проектов ШОС в области безопасности, экономики и инфраструктуры;
- содействовать формированию имиджа ШОС как важной составляющей евразийского регионализма, не в качестве лишь дискуссионного клуба, но организации, успешно использующей превентивную дипломатию и способной к региональному управлению через систему особых отношений с ключевыми региональными игроками;
- обеспечивать «разделение труда» между ШОС, Евразийским союзом и ОДКБ с тем, чтобы эти структуры содействовали по-

Товарооборот России с государствами ШОС в 2013 году

Доля государств ШОС в общем торговом обороте России в 2013 году, %

Товарооборот России с государствами – членами ШОС, млн долларов

Источник: Федеральная служба государственной статистики РФ

- вышению эффективности российской внешней политики в Центральной Азии и за ее пределами;
- укреплять позиции ШОС в структуре организаций АТР, в частности путем организации регулярных консультаций с Региональным форумом АСЕАН по безопасности и с самой АСЕАН для обмена опытом в области осуществления мер доверия и превентивной дипломатии;
- постепенно изменить ситуацию, при которой экономическое сотрудничество в ШОС является прерогативой КНР, без ущерба для российско-китайских отношений;
- содействовать осуществлению социально-экономических проектов с российским участием, отражающих многосторонний характер деятельности ШОС, в интересах Китая, центральноазиатских государств и России;
- укреплять способность ШОС к урегулированию конфликтов путем поддержки таких механизмов, как взаимодействие национальных советов безопасности, и/или создания дополнительных каналов для диалога, способных разрядить напряженность в отношениях между участниками ШОС с учетом внутренней ситуации в государствах-членах организации.

ПОЗИЦИИ РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ

АЗИИ:

ДВУСТОРОННИЕ

ОТНОШЕНИЯ

И МНОГОСТОРОННИЕ

МЕХАНИЗМЫ

2.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПРОШЕДШИЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ: ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ И МНОГОСТОРОННИЕ ПРОЕКТЫ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В системе международных отношений Центральную Азию можно считать «новым» регионом в том смысле, что все региональные игроки стали независимыми государствами только после распада СССР. Политические образования, существовавшие здесь до Российской Империи и Советского Союза, не имели опыта современного национального и государственного строительства и основывались на принципе супраэтничности (Vogaturov, 2011: 17–19). По этой причине во всех нынешних центральноазиатских государствах процесс национальной консолидации пока не завершен. По-прежнему существенную роль в их политическом и институциональном развитии играют региональные и клановые различия, которые затрудняют ход национальной самоидентификации и отношения между государствами. Поэтому вмешательство любых внешних сил (например, по линии ШОС) во внутри-

политические конфликты в Центральной Азии – такие как «революция тюльпанов» в Кыргызстане – не только не принесет пользы, но, напротив, усугубит существующие противоречия.

Наличием разделительных линий, наметившихся как внутри центральноазиатских государств, так и в отношениях между ними отчасти объясняется и преобладание двусторонних форматов взаимодействия над многосторонними. Однако и двустороннее взаимодействие развивается не без проблем. Между Кыргызстаном и Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, Таджикистаном и Узбекистаном по-прежнему существует напряженность, обусловленная неурегулированными территориальными спорами из-за анклавов, межэтническими проблемами и разногласиями по поводу водных и энергетических ресурсов.

После распада СССР все пять центральноазиатских республик объявили о своем намерении идти по пути демократического развития. Однако очень скоро местные по-

Социально – экономические показатели государств ШОС за 2013 год

Члены ШОС	ВВП, текущие цены, \$	ВВП на душу населения, текущие цены, \$	ВНД, ППС, текущие международные цены, \$	ВНД на душу населения, ППС, текущие международные цены, \$	Ежегодный прирост ВВП, %	Индекс человеческого развития
Россия	2 096 777 030 571	14 612	3 329 663 922 775	23 200	1,31	0,778
Китай	9 240 270 452 050	6 807	16 080 584 813 552	11 850	7,67	0,719
Казахстан	224 414 773 758	13 172	350 467 369 827	20 570	6,0	0,757
Узбекистан	56 795 656 325	1 878	161 460 069 021	5 340	8,0	0,661
Кыргызстан	7 226 295 003	1 263	17 570 802 664	3 070	10,54	0,628
Таджикистан	8 508 103 456	1 037	20 493 349 150	2 500	7,4	0,607
Наблюдатели ШОС						
Индия	1 876 797 199 133	1 499	6 697 896 719 569	5 350	5,02	0,586
Пакистан	236 624 927 698	1 299	897 018 563 159	4 920	6,07	0,537
Иран	368 904 351 627	4 763	1 208 320 472 510	15 600	-5,8	0,749
Афганистан	20 724 663 537	678	61 199 549 305	2 000	4,23	0,468
Монголия	11 516 409 581	4 056	25 001 181 040	8 810	11,74	0,698
Партнеры по диалогу ШОС						
Белоруссия	71 709 513 654	7 575	160 377 041 753	16 940	0,89	0,786
Турция	820 206 962 631	10 946	1 405 677 580 866	18 760	4,05	0,759
Шри-Ланка	67 182 015 336	3 280	194 016 414 335	9 470	7,25	0,750

Источник: World Development Indicators (World Bank 2014), International Human Development Indicators (UN 2014)

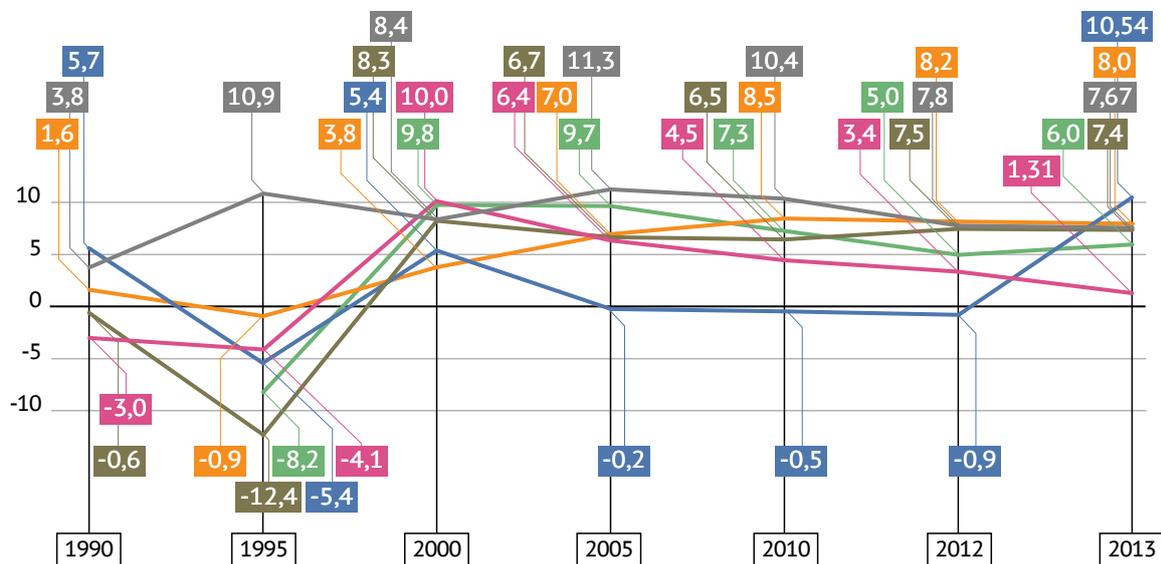
литические режимы приобрели гибридный и неопатримониальный характер, что побудило некоторых аналитиков заговорить о неэффективности демократического транзита в Центральной Азии (Carothers, 2002).

Гибридные политические режимы обычно сочетают автократические и демократические черты. Префикс «нео-» в данном

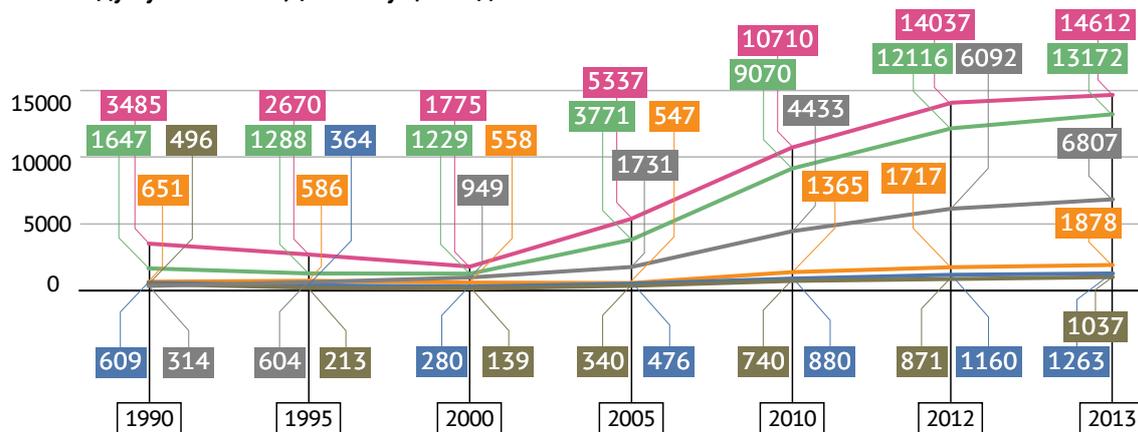
случае означает, что эти режимы зиждятся не только на традиционных отношениях (род, клан), но также на рациональных интересах (бизнес, перераспределение ресурсов и т.д.) (Franke et al., 2009). В определенной степени, такой тип политического развития психологически сближал политические элиты этих государств с Россией и Китаем.

Социально – экономические показатели государств – членов ШОС, 1990–2013 годы

Ежегодный прирост ВВП, %

ВВП на душу населения, \$ на текущий год

— Казakhstan — Узбекистан — Кыргызстан — Таджикистан — Россия — Китай

Источник: World Development Indicators (World Bank 2014)

В тот период в обеих странах происходили радикальные изменения (политические и экономические в России; экономические в Китае, который пытался извлечь уроки из потрясений, выпавших на долю России) и обе страны не соответствовали западным стандартам либеральной демократии (Nolan, 1995). Одновременно руководители

России и Китая не хуже своих центрально-азиатских коллег понимали, сколь высока социальная цена радикальных перемен. У всех перед глазами был печальный пример Таджикистана, пережившего после распада СССР затяжную гражданскую войну. В этой ситуации крупнейшим политическим достижением центральноазиатских стран

можно считать тот факт, что они утвердились в качестве суверенных политических образований (пусть и не достигших полной национальной консолидации) и помешали радикальным исламистам, ставшим реальной политической силой в Узбекистане и ряде других государств, свергнуть светские режимы в регионе. Именно по этой причине Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан с готовностью поддержали принципы «шанхайского духа» и призыв к единству в борьбе с экстремизмом.

Согласно индексу человеческого развития ООН (ИЧР) Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан относятся к категории стран со средним, а Казахстан – с высоким уровнем развития. Для сравнения: Китай имеет средний ИЧР, а Россия – высокий. В 1990-х годах Россия и Центральная Азия пережили значительный спад в экономике. В 1995 году

стали единой экономической системы. Среди центральноазиатских стран нет двух государств, у которых бы показатель взаимной торговой интеграции превышал бы единицу. Наивысшего уровня по этому показателю достигли Казахстан и Россия.

По данным Евразийского банка развития (Евразийский банк развития разрабатывает систему показателей евразийской интеграции, включающую показатели интеграции рынков и показатели сближения экономических систем. С помощью показателей интеграции рынков оцениваются уровни торговли, трудовой миграции, производства электроэнергии, сельскохозяйственного производства и образования. В число показателей сближения экономических систем входят макроэкономические показатели, а также показатели финансовой, фискальной и монетарной политики), энергетиче-

ВО ВСЕХ НЫНЕШНИХ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ПОКА НЕ ЗАВЕРШЕН

все страны, впоследствии ставшие членами ШОС, за исключением Китая, имели отрицательные показатели экономического роста. Даже сегодня, несмотря на улучшение экономической ситуации, население Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана не имеет социальных гарантий и существенного повышения уровня жизни в этих странах также не произошло.

С точки зрения экономического развития только Казахстан в настоящее время может быть сопоставим с Китаем и Россией, тогда как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан существенно отстают. Казахстан имеет самый высокий ВВП на душу населения в регионе (12 007 долл. США в 2012 г.); Узбекистан – 1717 долл. США, Кыргызстан – 1160 долл. США и Таджикистан – 872 долл. США.

Ни экономическая ситуация в регионе, ни стремление центральноазиатских государств диверсифицировать свои международные связи не способствуют интеграционным процессам в области торговли и трудовой миграции, несмотря на географическую близость пяти бывших республик СССР и их общий исторический опыт в со-

ские и инфраструктурные проекты являются, пожалуй, единственным двигателем экономической интеграции в Центральной Азии. Однако для осуществления большинства таких проектов требуется участие внешних акторов. Таким образом, для России важно обеспечить, чтобы в этих проектах учитывались ее региональные интересы и чтобы осуществлением этих проектов занимались структуры с российским участием.

В настоящее время трансрегиональные проекты в Центральной Азии осуществляются несколькими внешними акторами, включая Китай, Индию, Россию, ЕС и др. В настоящем докладе мы уделим основное внимание двусторонним отношениям четырех центральноазиатских государств-членов ШОС с Россией, Китаем и Индией. Кроме того, будет рассмотрен ряд многосторонних региональных проектов, на примере которых мы постараемся показать, каким образом можно расширить возможности сотрудничества России с центральноазиатскими странами, а какие факторы, напротив, могут это сотрудничество ограничить.

Индекс торговой интеграции государств – членов ШОС, 2012 год

Страна	Интеграция на двустороннем уровне						
	№	1	2	3	4	5	6
Казахстан	1		1,257	0,747	0,331	н/д	3,287
Кыргызстан	2	1,257		0,906	0,033	н/д	0,318
Таджикистан	3	0,747	0,906		0,671	н/д	0,146
Туркменистан	4	0,331	0,033	0,671		н/д	0,205
Узбекистан	5	н/д	н/д	н/д	н/д		н/д
Россия	6	3,287	0,318	0,146	0,205	н/д	

Источник: Система индикаторов евразийской интеграции, 2014 год

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ И ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ ЯВЛЯЮТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ ДВИГАТЕЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ ШОС

После распада СССР России пришлось заниматься не только налаживанием отношений с центральноазиатскими государствами в их новом качестве независимых политических образований, но и проблемами растущей конкуренции между различными игроками, чей доступ в регион в советскую эпоху был ограничен. Хотя в первой же концепции российской внешней политики, разработанной в постсоветский период, отношения России с СНГ, включая центральноазиатские страны, были названы внешнеполитическим приоритетом, четкое понимание того, как следует выстраивать взаимодействие с этой частью мира, очевидно отсутствовало. Как следствие, участие России в делах Центральной Азии носило скорее ситуативный, чем

стратегический характер. Как упоминалось выше, за два десятилетия независимого развития центральноазиатские государства по-разному подошли к выстраиванию своих отношений с Россией.

Россия-Казахстан. В официальных документах двусторонние связи между Россией и Казахстаном характеризуются как прочные дружественные и союзнические отношения. Казахстан остается ключевым стратегическим партнером России в Центральной Азии. Россия и Казахстан в большей степени близки по своим экономическим потенциалам по сравнению с другими центральноазиатскими государствами. Обе страны придают первоочередное значение двусторонним экономическим связям. Российские компании – «Лукойл», «Газпром», «Роснефть», «Росатом», «Русал» и «Северсталь» – активно инвестируют средства в экономику Казах-

Индекс энергетической интеграции государств – членов ШОС, 2012 год

Страна	Интеграция на двустороннем уровне						
	№	1	2	3	4	5	6
Казахстан	1		6,238	0,093	0,000	2,967	1,954
Кыргызстан	2	6,238		0,000	0,000	0,000	0,000
Таджикистан	3	0,093	0,000		0,000	0,000	0,000
Туркменистан	4	0,000	0,000	0,000		0,000	0,000
Узбекистан	5	2,967	0,000	0,000	0,000		0,000
Россия	6	1,954	0,000	0,000	0,000	0,000	

Источник: Система индикаторов евразийской интеграции, 2014 год

стана. С 2014 года, в соответствии с подписанным в предыдущем году договором, Россия и Казахстан приступили к созданию региональной системы противовоздушной обороны.

Казахстан участвует в деятельности Таможенного союза, формирующегося Евразийского союза, ОДКБ и ШОС. Кроме того, Казахстан является единственным центральноазиатским государством, которое последовательно проводит в жизнь среднесрочную и долгосрочную стратегии модернизации, принятые на вооружение в 1992 и 1997 годах, соответственно, а также собственную концепцию Евразийского союза (Назарбаев, 2010).

Однако между Россией и Казахстаном остаются политические и экономические разногласия и расхождения по вопросам, касающимся структурных параметров будущей евразийской интеграции. По мнению руководства страны, ряд российских инициатив, в частности предложение о создании Евразийского парламента, может ущемить суверенитет Казахстана. Именно поэтому Казахстан последовательно блокирует подобные предложения (Наумкин и др., 2013). Еще одна угроза двусторонним отношениям связана с отсутствием ясности в вопросе о том,

кто придет к власти после окончания срока полномочий президента Нурсултана Назарбаева. Не секрет, что политическая стабильность и экономические успехи Казахстана суть прямые следствия политической и экономической модели, воплощаемой в жизнь президентом Назарбаевым, а его личный авторитет является важнейшим фактором, влияющим как на жизнь Казахстана, так и на перспективы регионального сотрудничества.

Россия-Узбекистан. Узбекистан, еще один ключевой центральноазиатский игрок, традиционно являлся наиболее проблематичным партнером России в регионе и продолжает оставаться таковым. Проводимая президентом Каримовым политика маневрирования между Россией и США неоднократно становилась препятствием на пути осуществления российских инициатив в рамках ОДКБ. Как считают многие эксперты, Каримов, отдавая предпочтение двусторонним контактам перед многосторонними и стремясь заручиться гарантиями безопасности одновременно и со стороны России, и со стороны Запада, рассчитывает обеспечить Узбекистану особый статус, а главное, укрепить собственные позиции в то время, когда в стране высок риск политических

волнений и усиления радикальных движений (Наумкин и др., 2013; Адясов, 2014).

В двусторонних экономических отношениях также отмечаются резкие колебания. Российским компаниям, пытающимся выйти на рынок Узбекистана, приходится учитывать не только особенности внутренней экономической ситуации, но и ее политический контекст, т. е. особую роль, которую в экономике страны играет президентская семья. Кроме того, долгое время оставался нерешенным вопрос о задолженности Узбекистана перед Россией.

Россия-Кыргызстан. Несмотря на некоторую настороженность, которую испытывает часть кыргызской элиты к России, последняя остается для Кыргызстана важнейшим экономическим и стратегическим партнером. Стремясь диверсифицировать внешнепо-

Иссык-Куль и сейсмической станции – в единую военную базу (Гаврилов, 2013). Это соглашение приобрело дополнительное значение в связи с решением правительства Кыргызстана не продлевать договор об аренде США авиабазы «Манас», заключенный в 2001 году.

Россия-Таджикистан. В социально-экономическом отношении Таджикистан остается наиболее уязвимой страной в регионе. Обладая ограниченными собственными возможностями в военной области, Таджикистан в деле охраны границы с Афганистаном полагается на 201-ю российскую военную базу. Действующее соглашение о базе будет оставаться в силе до 2042 года.

Однако официальным уровнем связи между двумя странами не исчерпываются. Работающие в России многочисленные трудовые мигранты из Таджикистана

ШАНСЫ РОССИИ ОСТАТЬСЯ КЛЮЧЕВЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ

ПАРТНЕРОМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ ЗАВИСЯТ ОТ ТОГО,

УДАТСЯ ЛИ ЕЙ ПРИСПОСОБИТЬСЯ К НОВЫМ РЕАЛИЯМ И ВСТУПИТЬ

В КОНКУРЕНТНУЮ БОРЬБУ С РАСТУЩИМ ЧИСЛОМ ИГРОКОВ,

ПРЕСЛЕДУЮЩИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ СВОИ ИНТЕРЕСЫ

литические отношения, Кыргызстан не отвергает возможности участия в евразийских интеграционных проектах. Эксперты оценивают военные возможности страны и уровень боевой подготовки ее вооруженных сил как «относительно низкие» (IISS, 2013: 223). В связи с этим важным элементом национальной безопасности Кыргызстана остается военная подготовка в рамках ОДКБ и ШОС и, в более широком смысле, членство в этих организациях. Кроме того, Россия играет ключевую роль в качестве инвестора в экономику Кыргызстана, в частности газовую, нефтяную и гидроэнергетическую отрасли.

Отношения с Кыргызстаном имеют для России и стратегическое значение. В 2013 году правительства России и Кыргызстана подписали соглашение о слиянии российских военных объектов в Кыргызстане – дислоцированной в Канте авиачасти, экспериментального центра ВМФ на озере

являются важным фактором двусторонних отношений, а их заработки – существенным подспорьем для национальной экономики. В то же время Таджикистану угрожает рост внутренних диспропорций. Тяжелым бременем для страны является теневая экономика, в том числе наркоторговля и порождаемая ею преступность. В этих условиях политическое и экономическое выживание Таджикистана зависит от двустороннего экономического и оборонного сотрудничества с Россией и многостороннего сотрудничества с членами ШОС и ОДКБ. Однако, как отмечают российские эксперты, Таджикистан временами пытается использовать двусторонние отношения в собственных интересах и препятствовать действиям России даже в ущерб собственной безопасности (Казанцев, 2012; Наумкин и др., 2013).

Несмотря на диверсификацию экономических и политических отношений

центральноазиатских государств, они по-прежнему зависят от поставок российской военной техники. В этом качестве Россию не могут заменить ни Китай, ни НАТО. К тому же грядущий вывод Международных сил содействия безопасности из Афганистана заставил все четыре страны заново оценить ситуацию в регионе и возможности своих армий в случае возникновения кризиса. Необходимость модернизации вооруженных сил активизировала двусторонние военные мероприятия, по которым достигнуты договоренности России с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

В отличие от военной сферы в торговле и энергетике России приходится учитывать начавшуюся в 1990-е годы международную конкуренцию за ресурсы Центральной Азии. За одно десятилетие Россия утратила исключительное положение в области транспортировки энергоресурсов в регионе. В советское время газ из Центральной Азии в Россию поступал по газопроводу Средняя Азия – Центр, проходящему по территории Туркменистана, Узбекистана и Казахстана. Нефть из Казахстана транспортировалась по маршрутам Атырау-Самара и Кенкияк-Орск (Kazantsev, 2008: 1085). С запуском в 2006 году нефтепровода между Казахстаном и Китаем Россия утратила монополию на транспортировку казахстанской нефти. В 2009 году было завершено строительство нового газопровода, связывающего Туркменистан, Казахстан и Узбекистан с Китаем (известного также как газопровод Центральная Азия – Китай).

В условиях происходящих изменений Россия предприняла попытку сохранить сотрудничество с центральноазиатскими государствами в ключевых энергетических секторах. Так, Россия договорилась с Узбекистаном и Казахстаном о модернизации трубопровода Средняя Азия – Центр. В 2001 году Каспийский трубопроводный консорциум сдал в эксплуатацию трубопроводную систему Тенгиз-Новороссийск и в настоящее время повышает ее пропускную способность. Российские компании «Газпром», «Лукойл» и другие подключились к проектам в Казахстане, Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане. Кроме того, Россия активно участвует в строительстве крупных гидроэлектростанций в Кыргызстане и Таджикистане. Однако ответ на вопрос о шансах

России остаться ключевым экономическим партнером центральноазиатских государств зависит от того, удастся ли ей приспособиться к новым реалиям и вступить в конкурентную борьбу с растущим числом игроков, преследующих в Центральной Азии свои интересы.

ДУСТОРОННИЕ И МНОГОСТОРОННИЕ ПРОЕКТЫ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В последние 20 лет одним из таких игроков в Центральной Азии стал Китай. В 1990-е годы Россия, не имея возможности оказывать региону экономическую поддержку, начала координировать свои действия с Китаем в рамках многосторонних проектов ШОС и тем самым открыла новые возможности для участия КНР в делах Центральной Азии. В прошлом такой уровень регионального взаимодействия между Россией и Китаем был невозможен.

С тех пор значение Центральной Азии в торговой и энергетической стратегии Китая неуклонно возрастало. В 1993 году Китай превратился в нетто-импортера нефти. Потребление страной энергоресурсов увеличивалось быстрыми темпами. По расчетам экспертов, импорт нефти и газа, несмотря на планы по изысканию альтернативных источников энергии, останется в среднесрочной перспективе важнейшим условием промышленного роста Китая (Mayer и Wübbecke, 2013).

Сначала Китай сделал попытку удовлетворить растущий внутренний спрос на энергоносители путем разработки собственных нефтяных месторождений в Синьцзяне и на шельфе Восточно-Китайского моря. Однако запасы оказались незначительными, что заставило Китай изменить национальную энергетическую стратегию, реорганизовать энергетический комплекс и инвестировать средства в концессионную добычу нефти в различных районах мира. Были созданы три государственные организации: Китайская национальная нефтегазовая корпорация (КННК), Китайская нефтехимическая корпорация (Синопек) и Китайская национальная шельфовая нефтяная корпорация (КНШНК).

В рамках новой энергетической стратегии Китай приступил к осуществлению

масштабных проектов в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане. КННК широко представлена во всех трех странах. В Казахстане корпорация занимается разведкой нефтяных и газовых месторождений с начала 1990-х годов. В настоящее время ей принадлежат пакеты акций нескольких казахстанских компаний. В 1997 году КННК приобрела 60,3% акций общества «КННК Актобемунайгаз»; несколько позже объем пакета акций был доведен до 85,42%. В 2005 году корпорация купила компанию «ПетроКазахстан», передав впоследствии 33% своих акций АО НК «КазМунайГаз». КННК также владеет акциями нескольких нефтяных месторождений на юге и юго-западе Казахстана. В 2013 году Китай приобрел долю в Кашаганском нефтяном месторождении и таким образом получил доступ к шельфу Каспийского моря.

Первый участок газопровода был сдан в эксплуатацию в 2009 году, второй – в 2010 году.

Еще одно важное направление взаимодействия Китая с регионом охватывает торговлю и транспортировку китайских грузов через Центральную Азию (в частности, через Кыргызстан). В связи с этим КНР проявляет активность в создании местной транспортной инфраструктуры, участвуя сразу в нескольких проектах по строительству автомобильных и железных дорог.

Визиты председателя КНР Си Цзиньпина в Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан в 2013 году придали новый импульс развитию двусторонних связей между Китаем и этими странами. Во время поездки в ранг стратегического партнерства были возведены отношения с Кыргызстаном и Туркменистаном (с Узбекистаном стратегическое партнерство было установлено

В РАМКАХ НОВОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЙ ПРИСТУПИЛ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МАСШТАБНЫХ ПРОЕКТОВ В КАЗАХСТАНЕ, УЗБЕКИСТАНЕ И ТУРКМЕНИСТАНЕ

В Узбекистане КННК входит в международный инвестиционный консорциум, ведущий разведку на узбекском участке Аральского моря. В консорциуме также участвуют компания «Узбекнефтегаз» и группа международных инвесторов в составе НК «Лукойл», ПЕТРОНАС (Малайзия) и Корейской национальной нефтяной корпорации (Республика Корея). Кроме того, Китай создал ряд совместных предприятий с местными нефтегазовыми компаниями, в число которых входит основанная в 2005 году фирма «УзКННК Петролеум», специализирующаяся на нефтеразведке и эксплуатации месторождений на юго-западе Узбекистана.

Китай последовательно расширяет свое присутствие и в энергетическом секторе Туркменистана. В 2009 году он инвестировал 3 млрд. долларов в разработку газового месторождения Южный Иолотань на северо-востоке страны. Сотрудничество Китая с Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном заложило основы вышеупомянутого проекта по прокладке трансрегионального газопровода, который связывает все четыре страны.

в 2012 году, а с Казахстаном – в 2005 году). Ключевыми торговыми партнерами Китая в регионе остаются Казахстан и Кыргызстан. Однако и с Узбекистаном КНР планирует в течение следующих трех лет довести объем торговли до 5 млрд. долл. и начать переговоры о создании зоны свободной торговли (Xinhuanet, 2013).

Выступая в Казахстане, Си Цзиньпин выдвинул новую экономическую инициативу для Центральной Азии – пояс экономического сотрудничества «Шелковый путь», призванный создать взаимосвязанное евразийское пространство от Тихого океана до Балтийского моря. Железнодорожная магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан, а также сеть новых трубопроводов и автодорог могут стать инфраструктурными компонентами пояса.

Очевидно, что Китай проводит последовательную политику по включению центральноазиатских республик в свою геоэкономическую, а возможно, и геополитическую орбиту. В то же время Китаю необходимо обеспечить рост собственной

экономики, и в этом смысле Центральная Азия является для него всего лишь еще одним регионом, способным удовлетворить его потребности в энергоносителях и транспортных маршрутах в условиях, когда экономический подъем Китая продолжается, но перспективы его дальнейшего развития становятся все менее однозначными.

СОТРУДНИЧЕСТВО ИНДИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С недавнего времени Индия проявляет в Центральной Азии большую активность, пытаясь наверстать упущенное. Будучи второй крупнейшей державой Азии, Индия ищет возможность утвердить свой статус паназиатского игрока. Однако ее стремление наладить более тесные связи с Центральной

отсутствием соответствующей трубопроводной сети и терминалов для хранения сжиженного природного газа. Между тем для обеспечения дальнейшего экономического роста и сокращения выбросов в атмосферу потребление газа необходимо расширять. Именно поэтому Индия выразила заинтересованность в проекте по прокладке транс-афганского газопровода (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), несмотря на возможные угрозы безопасности.

В перспективе Индия может вложить средства в еще один важный инфраструктурный проект – транспортный коридор «Север-Юг», который соединит Индию с Центральной Азией через Иран. Правительство уже выделило 100 млн. долл. на полное переоборудование порта Чахбехар в Иране. Развитие этого стратегического инфраструктурного объекта обеспечит Индии доступ к рынкам

С НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ ИНДИЯ ПРОЯВЛЯЕТ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ БОЛЬШУЮ АКТИВНОСТЬ, ПЫТАЯСЬ НАВЕРСТАТЬ УПУЩЕННОЕ

Азией наталкивается на географические ограничения. Индия не имеет общей границы ни с одним из центральноазиатских государств и в плане физической взаимосвязи с этими странами вынуждена полагаться на помощь других евразийских держав, в частности Ирана. Как отмечалось ранее, цель политики «установления взаимосвязей с Центральной Азией» состоит в том, чтобы еще больше расширить сферу взаимодействия со странами Центральной Азии в противовес их отношениям с Китаем, которые, в основном, сводятся к торговле и поставкам природных ресурсов.

Наряду с этим Индия стремится стать участником региональных проектов в области энергетики. В 2011 году ее ведущая нефтяная компания «ОНГК Видеш Лимитед» инвестировала средства в разведку Сатпаевского блока на казахстанском участке Каспийского моря. На протяжении многих лет Индия удовлетворяла свои потребности в энергоносителях в основном за счет угля. Доля природного газа в структуре энергопотребления не столь существенна в связи с высокой стоимостью доставки, неразвитостью инфраструктуры, а также

Афганистана и Центральной Азии в обход Пакистана (Корнилов, 2013).

В целом, Индия занимает все более активные позиции в Центральной Азии, демонстрируя заинтересованность в региональном экономическом развитии и ситуации в области безопасности, а также способность составить конкуренцию Китаю в ближайшие годы.

МНОГОСТОРОННИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОЕКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В Центральной Азии не существует региональной организации сотрудничества, которая бы объединяла все пять центральноазиатских государств. Предпринятые в первое десятилетие нынешнего века целенаправленные усилия по созданию такой организации успехом не увенчались. Сами центральноазиатские государства в большей степени склонны к членству в многосторонних организациях с участием внешних акторов или, как Туркменистан, к поддержанию постоянно нейтрального статуса, что позволяет охарактеризовать центральноазиатский ре-

Работы на одном из участков газопровода под Уральском, Казахстан

гионализм как «виртуальный» (Allison, 2008: 185). «Виртуальный регионализм», означающий наличие определенной региональной общности при отсутствии должного институционального оформления, открывает перед другими акторами широкие возможности по вовлечению центральноазиатских государств (в разных комбинациях) в различные организации и проекты.

Американские исследователи Ларуэлл и Пейруз разделяют международные организации и международные проекты, возникшие в Центральной Азии или имеющие в числе участников центральноазиатские страны, на несколько категорий. Некоторые из них, в частности, Центральноазиатское экономическое сотрудничество, в 1994–2005 годах содействовали региональному сотрудничеству только на бумаге. Существуют также постсоветские

организации, призванные обеспечивать мирный демонтаж СССР; ШОС, согласно мнению авторов, учрежденная по инициативе Китая для содействия собственному мирному подъему; а также организации и проекты, учрежденные по инициативе ЕС и международных финансовых институтов (Всемирный банк, Азиатский банк развития, Исламский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития) (Laguette и Peugouse, 2013).

В последней группе объединены различные трансрегиональные проекты, цель которых состоит в том, чтобы связать Центральную Азию с более крупным Евразийским регионом. В 1993 году ЕС выступил с проектом ТРАСЕКА, предполагающим развитие региональных транспортных возможностей. Еще один проект ЕС, ИНОГЕЙТ (INOGATE – Interstate Oil and Gas Transport to Europe),

нацелен на развитие сотрудничества в области энергетики, обеспечение поставок энергоносителей и интеграцию европейских энергетических рынков с энергетическими рынками партнеров, к которым в данном случае относятся Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Грузия, Армения, Азербайджан, Турция, Украина, Молдова и Беларусь.

С середины 1990-х годов Азиатский банк развития, Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк, Международный валютный фонд, Исламский банк развития и Программа развития ООН оказывают финансовую поддержку программе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС), охватывающей Афганистан, Азербайджан, Китай, Казахстан, Кыргызстан, Монголию, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбеки-

ко усугубляют раздробленность. Большинство многосторонних проектов направлены либо на установление связи между Центральной Азией и потребителями ее природных ресурсов, либо на превращение региона в перевалочный пункт для транспортировки товаров. Однако Центральная Азия нуждается не только в транзитных маршрутах; необходимо обеспечить развитие промышленности и транспортной сети на региональном и даже внутригосударственном уровнях. Например, Кыргызстану нужна железнодорожная линия, которая связала бы его северные и южные районы, тогда как Китай в первую очередь заинтересован в железнодорожной магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Согласно исследованиям Всемирного банка, по крайней мере, три центральноазиатские страны – Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан – обладают высоким потенциалом взаимодополня-

РЯД ДВУСТОРОННИХ И МНОГОСТОРОННИХ ПРОЕКТОВ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, СПОСОБСТВУЮТ РАСШИРЕНИЮ СЕТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ, ОДНАКО РЕЗУЛЬТАТОМ ЭТИХ ПРОЕКТОВ НЕ ВСЕГДА БЫВАЕТ УКРЕПЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

стан. В число приоритетных областей ЦАРЭС входит сотрудничество в области транспорта и энергетики, а также развитие торговли между государствами-членами.

Еще одной инициативой, поддержанной международными финансовыми институтами (Всемирный банк и Исламский банк развития), Россией и США, является CASA-1000. Инициатива предусматривает создание общей энергопередающей и энергораспределительной системы для Таджикистана, Кыргызстана, Афганистана и Пакистана для эксплуатации в летний период, когда Таджикистан и Кыргызстан производят излишки электроэнергии. Индия также проявила интерес к участию в проекте.

Ряд двусторонних и многосторонних проектов, реализуемых в Центральной Азии, способствуют расширению сети международных связей. Однако результатом этих проектов не всегда бывает укрепление регионального единства; временами их осуществление толь-

емости в торговле с внешними партнерами (World Bank, 2011). Использование этого потенциала помогло бы диверсифицировать торговлю в Центральной Азии и сократить зависимость региона от сырьевых товаров в пользу готовых изделий. Однако для достижения этих целей центральноазиатским государствам необходимо укрепление национального единства и расширение связей внутри региона.

Несоответствие между целями многочисленных проектов и внешних акторов с одной стороны и фактическими нуждами региона с другой создает конкурентную нишу, которую могла бы заполнить Россия. Последняя, конечно, должна признать тот факт, что ситуация в регионе в полной мере отражает растущую многополярность международных отношений. Однако это признание отнюдь не означает, что Россия не может разработать региональную стратегию, в которой бы учитывались эти новые реалии.

КАКИМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ РАСПОЛАГАЕТ РОССИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Хотя центральноазиатские государства усиленно диверсифицируют свои подходы к сотрудничеству с Россией, в ее распоряжении по-прежнему имеется несколько механизмов консолидации центральноазиатского направления своей внешней политики, включая двустороннее военное сотрудничество и сотрудничество в области безопасности, а также инвестиционные проекты.

Российский исследователь Геннадий Чуфрин указывает на поразительный разрыв в уровнях развития России и Центральной Азии. Такое же несоответствие в большинстве центральноазиатских государств наблюдается между изобилием природных ресурсов и недостатком технических и финансовых средств для их использования, что соответствующим образом сказывается на экономическом росте этих стран (Чуфрин, 2010). Единственной защитой этих стран от религиозного радикализма и экстремизма является быстрое и устойчивое экономическое развитие, однако они не способны достичь этой цели в одиночку.

Какой бы напряженной ни была международная конкуренция в регионе, существует несколько факторов, благоприятствующих российским интересам. Россия знакома с условиями ведения бизнеса в Центральной Азии, а русский язык по-прежнему может служить средством общения как в деловом сообществе, так и на бытовом уровне. Российские товары и технологии все так же конкурентоспособны на центральноазиатском рынке, хотя их доля в совокупном российском экспорте в регионе понемногу снижается (Наумкин и др., 2013).

В отличие от других международных игроков у России нет столь необходимой четкой концепции внешней политики на центральноазиатском направлении, которая бы делала акцент на преимуществах российского подхода к экономиче-

ской деятельности в регионе в сравнении с аналогичными стратегиями Китая и других игроков. Вывод вооруженных сил США из Афганистана чреват не только угрозами безопасности, но и экономическими рисками. Неспособность России предложить Центральной Азии эффективную экономическую альтернативу, ее инертность в этом вопросе может вновь подтолкнуть регион к сотрудничеству с другими акторами, в первую очередь с Китаем.

Для того чтобы нарастить свои возможности в регионе, России необходимо разработать принципиально иной подход, отличающийся от того, которым в прошлом руководствовалась она сама, а также от стратегий прочих акторов. Важным элементом такого нового подхода может стать создание критической массы совместных промышленных и инвестиционных проектов с участием центральноазиатских государств. Российская поддержка промышленного развития региона могла бы завоевать в Центральной Азии большую популярность, нежели ориентированная на Китай экономическая стратегия, выраженная в формуле «природные ресурсы в обмен на китайские товары», или стратегии прочих игроков, озабоченных в первую очередь тем, как использовать транзитные возможности региона.

Осознав важность вопроса, Россия не так давно выступила с общерегиональной социально-экономической инициативой, призванной заново консолидировать центральноазиатское направление российской внешней политики. В апреле 2013 года руководство Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) предложило учредить Российскую корпорацию сотрудничества со странами Центральной Азии. Если идею одобрит руководство страны, корпорация сможет функционировать на основе государственно-частного партнерства. Как

Председатель правительства России Владимир Путин участвует в заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в узком составе, которое проходит в Константиновском дворце, 2011 год

отметил глава ФСКН Виктор Иванов, для начала деятельности корпорации потребуются бюджетные средства в размере около 2 млрд. рублей. 51% уставного капитала составят средства, принадлежащие государству, а остальные 49% внесут частные инвесторы. В число потенциальных партнеров входят ОАО «РусГидро», ОАО «РОСНАНО», и ОАО «НК Роснефть».

Посредством этой инициативы ФСКН надеется увеличить вклад России в социально-экономическое развитие Центральной Азии. Предусматривается путем создания новых рабочих мест остановить рост населения, вовлеченного в незаконный оборот наркотиков. Региональные проекты должны быть нацелены на развитие сельского хозяйства, высоких технологий,

и регионов, столкнувшихся с наркоугрозой. Незаконный оборот наркотиков представляет непосредственную угрозу и для самой России, которая должна быть заинтересована в расширении участия в экономической жизни региона. Деятельность корпорации будет способствовать существенному сокращению смертности, вызванной злоупотреблением наркотиками, в России и за ее пределами.

Корпорация также поддержит усилия России по достижению социально-экономических целей по линии двусторонних отношений с центральноазиатскими государствами и в рамках многосторонних структур региона. И самое важное, таким образом будет заложен необходимый экономический фундамент для укрепления

РОССИЙСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА МОГЛА БЫ ЗАВОЕВАТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ БОЛЬШУЮ ПОПУЛЯРНОСТЬ, НЕЖЕЛИ ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА КИТАЙ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ, ВЫРАЖЕННАЯ В ФОРМУЛЕ «ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ОБМЕН НА КИТАЙСКИЕ ТОВАРЫ»

гидроэнергетики и энергетического сектора в целом. Совершенно ясно, что инициатива принесла бы ощутимые выгоды деловому сообществу Центральной Азии и способствовала выполнению поставленной ООН задачи по поиску альтернативных источников развития государств

позиций России в Шанхайской организации сотрудничества и в регионе. Поскольку проблему наркоторговли невозможно решить чисто военными средствами, реализация социально-экономических проектов может стать эффективной альтернативой в долгосрочной перспективе.

СЦЕНАРИИ:
РОССИЯ, ШОС
И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
ПОСЛЕ 2014

3.

На основе нашего анализа положения в регионе, мы можем предложить два возможных сценария развития событий в Центральной Азии после вывода Международных сил содействия безопасности из Афганистана в 2014 году.

Сценарий №1. В Афганистане остаются отдельные контингенты стран НАТО, в задачу которых входит поддержание относительной стабильности, достигнутой в стране, в то время как международное сообщество, задействовав возможности ООН, ШОС, Стамбульского процесса, Кабульского процесса и других механизмов, содействует экономическому развитию Афганистана и укреплению его вооруженных сил. В данном случае ШОС может способствовать стабилизации обстановки в Афганистане дипломатическими, политическими и экономическими средствами. России следует продолжать сотрудничество с партнерами по ШОС и обеспечивать более широкое вовлечение Афганистана в международные отношения. В рамках ШОС крупнейшие государства-наблюдатели (например, Индия, Пакистан и Иран) и партнеры по диалогу (например, Турция) получают дополнительную возможность для взаимодействия с Афганистаном и разработки скоординированной программы сотрудничества с этой страной.

Незаконный оборот наркотиков, между тем, останется одной из самых острых проблем в ближайшие годы. Силы НАТО во время своего пребывания в Афганистане не проявляли желания заниматься этим вопросом. Таким образом, задача России будет состоять в том, чтобы оказать экономическую поддержку центральноазиатским государствам (вероятнее всего, через механизм государственно-частных партнерств) и предоставить помощь в решении экономических и связанных с ними социальных проблем, стоящих перед регионом. Иными словами, роль ШОС будет носить политический и социально-экономический характер. Для обеспечения максимальных темпов развития и борьбы с транснациональными угрозами организации будет необходимо объединять и координировать различные проекты.

Положительным результатом для России стало бы построение системы взаимодополняющих региональных механизмов, в рамках которой Евразийский союз содействовал бы экономическому сотрудничеству России с Казахстаном, а в перспективе также с Кыргызстаном и Таджикистаном, в то время как ШОС обеспечивала бы региональное управление в области безопасности в интересах России, Китая, центральноазиатских государств-членов и других заинтересованных

Маковое поле, Таджикистан

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ ОСТАНЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ САМЫХ ОСТРЫХ ПРОБЛЕМ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ

сторон. Даже в случае отсутствия прогресса в области евразийской интеграции, центральноазиатские государства и Китай вряд ли поставят под сомнение полезность ШОС в качестве форума для координации мер в области безопасности, текущей политики и социально-экономических вопросов, который существенным образом не ограничивает их суверенитет.

Сценарий №2. Если НАТО до вывода войск не заключит с умеренными лидерами талибов соглашение об урегулировании на период после 2014 года, а центральное правительство потеряет контроль над страной, то процесс распада Афганистана продолжится и возрастет угроза нападения этнических повстанческих групп на Узбекистан и Таджикистан. Дестабилизация ситуации в Афганистане может повлиять и на рост напряженности как в самих центральноазиатских государствах, так и в отношениях между ними. Учитывая незавершенность процесса национальной консолидации в этих странах и отсутствие там организационно оформившейся светской оппозиции, нишу последней в политическом процессе (скорее всего, в Узбекистане, но,

возможно, и в других странах региона) могут занять радикальные группировки.

В этом случае ШОС придется проводить консультации по безопасности с государствами-членами и государствами-наблюдателями и мобилизовать все имеющиеся ресурсы для принятия ответных мер. Членам ШОС придется иметь дело как с нетрадиционными транснациональными угрозами (незаконный оборот наркотиков), так и с военными угрозами (терроризм и выступления повстанцев). При наличии острых проблем в области безопасности многосторонние и двусторонние экономические проекты, включая проекты, инициированные Россией, могут отойти на второй план.

Ввиду отсутствия у ШОС нормативной базы и потенциала, присущего военному альянсу, (что делает невозможным его вмешательство во внутренние дела государств-членов), весьма вероятно, что военное сотрудничество будет организовано на двусторонней основе и через ОДКБ. ШОС же будет осуществлять функции по координации, управлению и обмену информацией с упором на сотрудничество между военными ведомствами и правоохранительными органами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из предшествующего анализа можно сделать следующие выводы и представить возможные варианты действий России в рамках ШОС и на центральноазиатском направлении.

Окидывая взглядом путь, пройденный ШОС, важно не допустить ни переоценки, ни недооценки достигнутого прогресса. С момента обретения институциональной структуры, ШОС оставалась узконаправленной организацией, обладающей ограниченным потенциалом воздействия на положение в регионе. Между тем, ШОС разработала подход к решению поставленных проблем, устойчиво наращивает институциональный потенциал, достигла определенных результатов в реализации мер доверия и превентивной дипломатии. Эти результаты опровергают утверждения о том, что ШОС не удалось обрести собственную идентичность в мировой политике.

Однако международная обстановка меняется, и задачи конца 1990-х годов, для решения которых была учреждена ШОС (пограничные проблемы, вопросы безопасности, координация действий России и Китая в Центральной Азии), уступают место новым приоритетам. ШОС вступает в новый этап развития, который требует качественного пересмотра нынешней повестки дня. Перед

ШОС стоят вызовы, обусловленные региональными проблемами (будущее Афганистана) и макрорегиональными сдвигами (усиление Китая, растущая международная конкуренция в Центральной Азии, асимметрия интересов внутри ШОС, внутренние перемены в государствах-членах ШОС и т. д.), которые требуют как незамедлительных действий, так и разработки стратегии, ориентированной на более отдаленную перспективу.

ШОС – не единственный, хотя и важный, механизм российской внешней политики в Центральной Азии. В связи с этим России следует налаживать практическое взаимодействие внутри организации и расширять присутствие ШОС в регионе в качестве необходимой предпосылки сотрудничества. При этом политика России в Центральной Азии не должна ставить под угрозу российско-китайские отношения, которые в структурном смысле имеют для России глобальное значение (Trenin, 2012; Voskressenski, 2012).

Статус Китая как глобального игрока, сколь бы различными ни были оценки его положения в мире, должен найти отражение в центральноазиатской парадигме отношений между двумя странами. Хотя российские и китайские интересы не всегда совпадают, для целей устойчивого развития в регионе необходимо, чтобы в двусторонних отноше-

Заседание Совета глав правительств государств ШОС и гостей в расширенном составе в Мраморном зале Константиновского дворца, 2011 год

ниях России и Китая прослеживалась положительная динамика. В отношениях с центральноазиатскими государствами-членами ШОС Россия должна находить политические и экономические механизмы, способные послужить взаимной выгоде обеих сторон и доказать ошибочность представлений о гегемонистских притязаниях России.

В целях сохранения и укрепления своих позиций в ШОС и Центральной Азии, а также решения региональных проблем России необходимо предпринять следующие шаги:

- поддерживать статус ШОС как макрорегиональной организации, обладающей достаточными дипломатическими возможностями для привлечения средств в целях социально-экономического раз-

координацию в рамках ШОС, военную координацию и обеспечение безопасности границы Афганистана и Таджикистана в рамках ОДКБ, экономическую интеграцию в рамках Таможенного союза/ Евразийского союза;

- увязывать региональные и макрорегиональные проекты, которые не требуют полномасштабной экономической интеграции и могут способствовать экономическому развитию центральноазиатских государств, с деятельностью ШОС;
- активизировать диалог между секретарями советов безопасности стран ШОС в целях урегулирования проблем, существующих в отношениях между центральноазиатскими государствами-членами ШОС;

РОССИИ СЛЕДУЕТ НАЛАЖИВАТЬ ПРАКТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРИ ОРГАНИЗАЦИИ И РАСШИРЯТЬ ПРИСУТСТВИЕ ШОС В РЕГИОНЕ В КАЧЕСТВЕ НЕОБХОДИМОЙ ПРЕДПОСЫЛКИ СОТРУДНИЧЕСТВА. ПРИ ЭТОМ ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НЕ ДОЛЖНА СТАВИТЬ ПОД УГРОЗУ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, КОТОРЫЕ В СТРУКТУРНОМ СМЫСЛЕ ИМЕЮТ ДЛЯ РОССИИ ГЛОБАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

вития Центральной Азии и Афганистана; а также механизм для взаимодействия с Китаем, Индией, Пакистаном, Ираном, Турцией и Монголией на региональном уровне;

- сохранять в рамках ШОС отдельный канал для диалога с Афганистаном и, возможно, с различными этническими группами внутри страны;
- начать диалог с различными этническими группами внутри Афганистана, привлекая к участию представителей близких культур из числа членов и наблюдателей ШОС и расширяя социально-экономическое сотрудничество с Афганистаном;
- продолжать поддерживать систему взаимодополняющих механизмов для координации действий на региональном уровне, включающей следующие элементы: политическую и стратегическую

- осуществлять важнейшие региональные инфраструктурные и энергетические проекты в рамках ШОС, Энергетического клуба ШОС и российских проектов с использованием механизмов государственно-частного партнерства;
- в качестве необходимой предпосылки успешного осуществления российских проектов в Сибири и на Дальнем Востоке обеспечивать (через посредство ШОС и ОДКБ, а также в рамках двусторонних программ в сфере безопасности с Кыргызстаном и Таджикистаном) безопасность на границах России с центральноазиатскими государствами, а также границах с Афганистаном и Пакистаном в Центральной Азии;
- повышать региональную и макрорегиональную роль ШОС как важнейшей организации, отвечающей за управление макрорегиональными проектами в области развития;

- концептуализировать российскую внешнюю политику в Центральной Азии (возможно, на основе принципа взаимодополняемости многосторонних механизмов и двусторонних отношений с ключевыми региональными партнерами) и предложить практически выполнимый план экономического вовлечения России в дела региона (сопоставимый с китайским проектом «Шелковый путь» и индийским проектом «установления взаимосвязей с Центральной Азией»);
- разработать рамочный механизм сотрудничества с государствами-наблюдателями ШОС и партнерами по диалогу (возможно, аналогичный структуре диалоговых партнерств АСЕАН);
- повышать роль ШОС как составной части региональных механизмов сотрудничества в АТР.

ИСТОЧНИКИ

ИСТОЧНИКИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

Адясов И. Наступит ли ташкентское лето? // Эксперт. 2014. № 4. С. 60–64.

Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества, Астана, 15 июля 2011 г. // Kremlin.ru [Электрон. ресурс] / URL: http://www.kremlin.ru/ref_notes/964 (дата доступа: 31.01.2014).

Барский К. Партнерство: необходимость и возможности // Стратегия России. 2012. № 1 / [Электрон. ресурс] / URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1327477640&archive=1327478049&start_from=&ucat=14& (дата доступа: 31.01.2014).

Барский К. ШОС не собирается подменять НАТО в Афганистане // ИнфоШОС. 15.01.2014 / [Электрон. ресурс] / URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=12361> (дата доступа: 31.01.2014).

Болятко А. Проблемы стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М., ИДВ РАН, 2012. С. 18–32.

Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Воскресенского. М., 2010, МГИМО.

Воскресенский А., Лузянин С. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А. Воскресенского. М., РОССПЭН, 2004. С. 387–401.

Гаврилов Ю. Послали на базу: у наших военных за рубежом новый статус // Российская газета. 28.02. 2013 / [Электрон. ресурс] / URL: <http://www.rg.ru/2013/02/27/bezopasnost-site.html> (дата доступа: 31.01. 2014).

Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества. ШОС. 2001 / [Электрон. ресурс] / URL: <http://www.sectSCO.org/RU123/show.asp?id=83> (дата доступа: 31.01.2014).

Кажаров Р., Нурова Н., Сафранчук И. Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС // Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества / Под ред. А. Лукина. М., МГИМО, 2012. С.175–188.

Казанцев А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., Фонд «Наследие Евразии». 2008.

Казанцев А. Российская военная база в Таджикистане нужна для обеспечения безопасности, прежде всего, самого Таджикистана // Российский совет по международным делам. 2012 / [Электрон. ресурс] / URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=234#top (дата доступа: 31.01.2014).

Колдунова Е. ШОС и АСЕАН: нормативный опыт // Стратегия России. 2012. №.2. С. 33–35.

Колдунова Е. Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран // Международные процессы. 2011. Т 9. № 2(26). С.70–81.

Колдунова Е. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. М., Navona, 2010.

Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 февраля 2013 г. Министерство иностранных дел РФ / [Электрон. ресурс] / URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата доступа: 31.01.2014).

Корнилов Н. Индия сделает иранскому порту Чахбехар полное обновление // Центр стратегической конъюнктуры. 2013 / [Электрон. ресурс] / URL: http://conjuncture.ru/india_06-05-2013/ (дата доступа: 31.01.2014).

Ларуэль М., Пейруз С. Региональные организации в Центральной Азии: характеристики взаимодействий, дилеммы эффективности. Университет Центральной Азии. Доклад

№10 [Электрон. ресурс] / URL <http://www.ucentralasia.org/downloads/UCA-IPPA-WP-10-RegionalOrganizations-Rus.pdf> (дата доступа: 31.01.2014).

Лузянин С. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) как прообраз регионального интеграционного объединения в области экономики и безопасности // Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А. Воскресенского. М., МГИМО, 2010. С. 322–349.

Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М., РОССПЭН, 2012.

Наумкин В. и др. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители // Российский совет по международным делам. Доклад №.10. М., Спецкнига, 2013.

Назарбаев Н. В стремлениях времени: от коммунизма к капитализму. Первые уроки экономики нового века. Алматы, Атамұра, 2010.

Никитина Ю. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М., Navona, 2009.

Никитина Ю. (2011) ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). Т 17. С. 45–53.

Совместное заявление по итогам официального визита в Республику Индию президента Российской Федерации В.В. Путина «Партнерство во имя взаимного процветания и лучшего мироустройства», 24 декабря 2012 г. kremlin.ru / [Электрон. ресурс] / URL:http://news.kremlin.ru/ref_notes/1369 (дата доступа: 31.01.2014).

Сотрудничество Кыргызстана и Таджикистана в рамках ШОС будут основой для дальнейшего укрепления отношений – Атамбаев. 2012. Trend.az / [Электрон. ресурс] / URL: <http://www.trend.az/regions/casia/kyrgyzstan/2095298.html> (дата доступа: 31.01.2014).

Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайской организации сотрудничества / Под ред. А. Лукина. М., МГИМО, 2012.

Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Сравнительная политика. 2011. № 4(6). С.109–123.

Уянов С. Транспортное сотрудничество в ШОС в контексте проблем региональной стабильности // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М., ИДВ РАН, 2012. С. 193–206.

Хартия Шанхайской организации сотрудничества. ШОС. 2002. / [Электрон. ресурс] / URL: <http://www.sectSCO.org/RU123/show.asp?id=86> (дата доступа: 31 января 2014).

Чжао Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005. № 5.

Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. Алматы, Казахстанский институт стратегических исследований. 2010.

ИСТОЧНИКИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:

Acharya, Amitav and Johnston, Alastair Iain, eds. (2007) *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Adler, Emmanuel and Barnett, Michael, eds. (1998) *Security Communities*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ahamed, Shri E. (2012) Keynote Address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue, June 12 Ministry of Foreign Affairs of India. Available at: URL <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue> (accessed January 31, 2014).

Allison, Roy (2008) 'Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia,' *Central Asian Survey*, 27 (2), pp. 185-202.

Aris, Stephen (2011) *Eurasian Regionalism: The Shanghai Cooperation Organization*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Ambrosio, Thomas (2008) 'Catching the "Shanghai Spirit": How the Shanghai Cooperation Organization Promotes Authoritarian Norms in Central Asia,' *Europe-Asia Studies*, Vol. 60, No. 8, pp. 1321-1344.

ASEAN (2005) Memorandum of Understanding between the Secretariat of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN Secretariat) and the Secretariat of the Shanghai Cooperation Organization (SCO Secretariat). Available at: URL <http://www.asean.org/archive/ASEAN-SCO-MOU.pdf> (accessed January 31, 2014).

Bailes, Alyson; Dunay, Pal; Guang Pan and Troitsky, Mikhail (2007) *The Shanghai Cooperation Organization*. Stockholm: SIPRI.

Boucher, Richard (2006) Richard A. Boucher, Assistant Secretary of State for South and Central Asian Affairs, Statement to the House International Relations Committee's Subcommittee on the Middle East and Central Asia, 'U.S. Policy in Central Asia: Balancing Priorities (Part II),' Washington, D.C., April 28, 2006. Available at: URL http://commdocs.house.gov/committees/intlrel/hfa27230.000/hfa27230_of.htm (accessed January 31, 2014).

Blank, Stephen (2003) 'India's Rising Profile in Central Asia,' *Comparative Strategy*, 23, pp. 139-157.

Bogaturov, Alexei (2004) *International Relations in Central-Eastern Asia: Geopolitical Challenges and Prospects for Political Cooperation*, Brookings Institution Website. Available at: URL <http://www.brookings.edu/fp/cnaps/papers/bogaturov2004.pdf> (accessed January 31, 2014).

Carothers, Thomas (2002) 'The End of the Transition Paradigm,' *Journal of Democracy*, 3 (1), pp.5-21.

Cohen, Ariel (2006) *The U.S. Challenge at the Shanghai Summit*, The Heritage Foundation, June 13, available at: URL <http://www.heritage.org/research/reports/2006/06/the-us-challenge-at-the-shanghai-summit> (accessed January 31, 2014).

Contessi, Nicola (2010) 'China, Russia and the Leadership of the SCO: A Tacit Deal Scenario,' *China and Eurasia Forum Quarterly*, 8 (4), pp.101-123.

Dadabaev, Timur (2014) 'Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States,' *Journal of Contemporary China*, 23 (85), pp. 102-118.

Eurasian Development Bank (2009) *The System of Indicators of Eurasian Integration*. Almaty: Eurasian Development Bank.

Fioramonti, Lorenzo, ed. (2012) *Regions and Crises. New Challenges for Contemporary Regionalisms*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Franke, Anja; Gawrich, Andrea and Alakbarov, Gurban (2009) 'Kazakhstan and Azerbaijan as Post-Soviet Rentier States: Resource Incomes and Autocracy as a Double "Curse" in Post-Soviet Regimes,' *Europe-Asia Studies*, 61:1, pp. 109–140.

Hagel, Chuck (2013) *The US Approach to Regional Security*. Secretary of Defense Chuck Hagel. IISS Asia Security Summit, Shangri-La Hotel, Singapore, June 1. Available at: URL <http://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2013-c890/first-plenary-session-eege/chuck-hagel-862d> (accessed January 31, 2014).

Halper, Stefan (2010) *The Beijing Consensus: How China's Authoritarian Model Will Dominate the Twenty-First Century*. New York: Basic Books.

Hettne, Björn and Söderbaum, Fredrik (2006) 'Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges,' *International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods*. Stockholm: Foreign Ministry, pp. 179–244.

IISS (2013) *The Military Balance*. London: IISS.

Jia Qingguo (2007) 'The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership,' Akihiro Iwashita, ed., *Eager Eyes Fixed on Eurasia*, 16–2. Sapporo: Slavic Research Center, pp. 113–123.

Jiang Zemin (2001) 'Deepening Unity and Coordination to Jointly Create a Brilliant Future,' Speech at the SCO Inaugural Ceremony, St. Petersburg, June 15, *China News*. Available at: URL <http://english.china.org.cn/baodao/english/newsandreport/2001july/new14-1.htm> (accessed January 31, 2014).

Joshi, Nirmala (2010) *Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions*. Washington, D.C.: The Central Asia-Caucasus Institute.

Kley, Dirk (2013) 'Turkey's SCO Play: Does it Matter?' *The Diplomat*, May 7. Available at: URL <http://thediplomat.com/2013/05/turkeys-sco-play-does-it-matter/> (accessed January 31, 2014).

Kundu, Nivedita (2012) *12th SCO Summit in Beijing: A View from India*, Valdai Discussion Club. Available at: URL <http://valdaiclub.com/asia/44660.html> (accessed January 31, 2014).

Laruelle, Marlène and Peyrouse, Sébastien (2012) *The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor*. London: Hurst & Company.

Lin, Gang; Garver, John; Hickey, Dennis and Chambers, Michael. (2005) *China's "Good Neighbor" Diplomacy: A Wolf in Sheep's Clothing?* Woodrow Wilson International Center for Scholars, (?) Asia Program Special Report No. 126.

Linn, Johannes (2012) 'Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage?' *EDB Eurasian Integration Yearbook 2012*. Available at: URL <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2012/10/regional%20integration%20and%20cooperation%20linn/10%20regional%20integration%20and%20cooperation%20linn.pdf> (accessed January 31, 2014).

Mankoff, Jeffrey (2013) *The United States and Central Asia after 2014*, Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies.

Mayer, Maximilian and Wübbecke, Jost (2013) 'Understanding China's International Energy Strategy,' *The Chinese Journal of International Politics*. Available at: DOI 10.1093/cjip/poto05 (accessed January 31, 2014).

MFA of Turkey (2011) 'Istanbul Process on Regional Security and Cooperation for a Secure and Stable Afghanistan,' November 2. Available at: URL <http://www.mfa.gov.tr/istanbul-process-on-regional-security-and-cooperation-for-a-secure-and-stable-afghanistan.en.mfa> (accessed January 31, 2014).

Nolan, Peter (1995) *China's Rise, Russia's Fall. Politics, Economics and Planning in the Transit from Stalinism*. Basingstoke: Macmillan.

Pan Guang (2008) 'A New Diplomatic Model: A Chinese Perspective on the Shanghai Cooperation Organization,' *Washington Journal of Modern China*, 9 (1), pp. 55–72.

- Pantucci, Raffaello and Li Lifan (2013) 'Shanghai Cooperation Organization: Not Quite the New Silk Road,' *The Diplomat*, September 12. Available at: URL <http://thediplomat.com/2013/09/shanghai-cooperation-organization-not-quite-the-new-silk-road-2/> (accessed January 31, 2014).
- Renard, Thomas (2013) 'Strategic Bilateralism or Effective Multilateralism? The EU, the SCO and SAARC,' Christiansen Thomas, Emil Kirchner, Philomena Murray, eds., *The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 359–373.
- Sachdeva, Gulshan (2012) 'Central Asia. India's New Strategic Neighbourhood,' *Geopolitics*, Vol. III, Iss. V, pp. 79–81.
- Song Weiqing (2014) 'Interests, Power and China's Difficult Game in the Shanghai Cooperation Organization (SCO),' *Journal of Contemporary China*, 23 (85), pp. 85–101.
- Starr, Frederick (2005) *A 'Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and its Neighbors*. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program.
- Trenin, Dmitry (2012) 'True Partners? How Russia and China See Each Other.' Available at: URL http://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf (accessed January 31, 2014).
- UN (2013) *International Human Development Indicators*. Available at: URL <http://hdrstats.undp.org/en/indicators/103106.html> (accessed January 31, 2014).
- Voskressenski Alexei (2012) 'The Three Structural Changes of Russo-Chinese Cooperation after the Collapse of the USSR and Prospects for the Emergence of a Fourth Stage' *Eurasian Review*, Vol.5, pp.1–13
- Weitz, Richard (2011) 'Global Insights: The SCO's Expansion Dilemma,' *World Politics Review*, November 15. Available at: URL <http://www.worldpoliticsreview.com/articles/10668/global-insights-the-scos-expansion-dilemma> (accessed January 31, 2014).
- World Bank (2013) *World Development Indicators*. Available at: URL <http://data.worldbank.org> (accessed January 31, 2014).
- World Bank (2011) *World Bank Study. Trade Expansion Through Market Connection. The Central Asian Markets of Kazakhstan, Kyrgyz Republic, and Tajikistan*. Washington, D.C.: The World Bank.
- Xinhua net (2013) 'Chinese President Tables Five-Point Proposal on Cooperation with Uzbekistan,' 09.09.2013. Available at: URL http://news.xinhuanet.com/english/china/2013-09/09/c_132705632.htm (accessed January 31, 2014).
- Ziegler, Charles (2013) 'Central Asia, the Shanghai Cooperation Organization, and American Foreign Policy from Indifference to Engagement,' *Asian Survey*, 53 (3) (May/June), pp. 484–505.

